

Николай Семашко

Технология возврата

Николай Семашко

Технология возврата

«Издательские решения»

Семашко Н.

Технология возврата / Н. Семашко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901568-6

Книга написана по мотивам шумерских и египетских мифов. Все персонажи вымышлены, совпадения случайны. «Солнце похоже на баскетбольный мяч, особенно на закате, но из этого еще ничего не следует». © А. Ю. Складов

ISBN 978-5-44-901568-6

© Семашко Н.
© Издательские решения

Технология возврата

Николай Семашко

© Николай Семашко, 2017

ISBN 978-5-4490-1568-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Солнце уходило за горизонт. Об этом непреложном факте говорила алая полоска на небе и насыщенный выхлопами воздух, сменяющийся некоторой свежестью. По остывающему асфальту прогуливались, держась за руки, влюбленные парочки, спешили по своим делам прохожие-одиночки – в общем, все были заняты своим делом.

Я только что проснулся, и эти нехитрые расчеты помогли мне определить точное время суток за окном. Неспешно потянувшись, я отвернулся от окна и рывком сбросил себя с кровати, с первого раза попадая в тапочки. Отлично день начинается, жаль, что так поздно. Ну, да ничего, наверстаем.

Студенческая жизнь, что ни говори, имеет свои жирные плюсы. Ведь первое, что нужно каждому студенту, и чего так не хватает дома и на работе – это свобода. Можно свободно проспать все лекции за день, и чувствовать себя при этом вполне неплохо. Совесть не будет мучить ни вот столечко. Правда, потом придется побегать по кафедрам, отрабатывать, но это мелочи. Главное – у тебя хорошее настроение, ты сделал то, что хотел, и плевать тебе на остальных. А захочешь учиться – опять же: сам захотел, сам пошел. Про сессию вообще лучше не вспоминать...

Сегодня был именно такой день. Экзаменационная сессия началась, как всегда, неожиданно; большинство студентов опять проморгало зачетную неделю. Тем не менее, вчера учащиеся аграрно-технического университета собирались повторять материал уже третьего по счету экзамена, пройдя первый и второй без потерь.

– Ну что, по пиву, и на стадион? – раздался риторический вопрос. Подсчитав имеющиеся деньги, согласились и с первым, и со вторым.

Поглазели некоторое время на пробегающих иногда мимо девчонок в топиках, попутно обсуждая возникшие в процессе повторения материала неясности.

– Ну что, по водке, и в ночной клуб?...

...Утром, придя на экзамен «с троллейбуса на бал», мы получили свое законное «хорошо» и разбрелись по комнатам отсыпаться. Поэтому, проснувшись к заходу солнца, решил остальных не будить, а просто посидеть с пивком на улице, благо погода стояла просто замечательная.

Не люблю холодное пиво. Во-первых, жажду им не утолишь, во-вторых, много не выпьешь. Я сидел, потягивая «Аливария золотое», рядом лежала пачка «Winston», а алая полоска на небе создавала в сердце щемящую тоску. Поэтому, упиваясь закатом, не заметил, как сзади кто-то подошел, а только вздрогнул от неожиданности.

– Ну, давай сигарету, что ли, – плюхнувшись рядом, попросил-потребовал Саня, сосед по общежитию. Здоровенный боров вечно строил из себя Казанову, ухлестывая за всеми встречными девчонками. Естественно, каждая дама ему отказывала, но парень не отчаивался, с завидным оптимизмом продолжая отстаивать свою жизненную позицию.

Синхронно щелкнув зажигалками, пустили в небо струйки дыма.

– Хорошо, – расслабленно сказал я, сотворив очередной «бублик». Сизое кольцо поднялось повыше, увеличилось в размерах и растворилось в воздухе. – Одно фигово, на работу завтра.

– Ага, – зевнув, согласился Саня. Конечно. Ему-то что – он «очник», учащийся на дневном отделении. В отличие от нас, «заочников», сессия у них начинается еще через месяц – по студенческим меркам, это почти бесконечность. А у меня сегодня последний день двухнедельного отпуска, предоставляемого заводом для представителей заочной формы обучения. Так что, отправившись с железнодорожного вокзала на первой электричке, я как раз успевал к началу рабочей смены. Хотя и здесь подсуетился и заранее взял на работе день «за свой счёт», организовав себе отсыпной.

– Чем планируешь заняться до паровоза? – спросил сосед.

– Не знаю еще.

Я проследил взглядом, как пустая бутылка из-под отечественного пива, запущенная умелой рукой, исчезает в дальнем мусорном бачке. Вообще белорусы, как ни странно, аккуратный народ. По утрам подметаются улицы; вдоль главных дорог нет мусорных курганов, привлекающих внимание издали; даже стены домов расписаны не всякой похабщиной, а стильными граффити. А был я как-то в Москве – эти заборы из мусора надо было видеть...

– Поехали, шары погоняем.

– Не, не поеду. Я в бильярд не умею. Да и денег нет, на билет только осталось. Так что газуй давай, а я и тут посижу неплохо.

– Ты не понял. Во-первых, не в бильярд, а в боулинг; во-вторых, мне денег «родаки» подкинули, угощаю.

Опачки. Обычное на первый взгляд предложение превращалось в подарок судьбы, ведь халява – это идеальный подарок студенческих богов просвещенному населению. Неизвестно, как представляют себе это художники, но «Явление Халявы народу» – лучшее произведение искусства, которое подарил бы я людям, если бы умел рисовать.

– Ну так что, идёшь?

– Да. Давай здесь минут через пятнадцать, сумку соберу пока.

Сосед поднялся, игриво подмигнул пробегающей мимо Ирке с экономического факультета. Та с удручающей гримасой закатила глаза вверх, и на ум сразу пришла фраза из бородатого анекдота: «И этот десантник. Как он задолбал!» Ухмыльнувшись, я поднялся следом и потопал в свою комнату собирать вещи. Как ни крути, а ночью вряд ли будет время носки в рюкзак запихивать. А лучше вообще – сумку взять с собой, оставить у охраны, и с боулинга прямо на вокзал. Далековато, правда, через полгорода пилить, но богатенького «Буратину» можно раскрутить ещё и на такси. Негоже мастеру сборочного цеха лишний раз ноги сбивать. И так на работе за смену только на обеде присядешь. Куришь – и то на ногах...

Пройдя через стадион к четвертому общежитию, мы вышли на улицу Челюскинцев и направились на остановку. В метро было не протолкнуться, а вечерний минский ветерок так и шептал:

– Пива... Пива... Пиво будешь?

– Пиво будешь? – эхом откликнулся сосед, с вождением глядя на отражающиеся сквозь стеклянную витрину этикетки. Я сделал глазами, мол – спрашиваешь? – и ткнул пальцем в «единичку». Товарищ взял «под козырёк», и через десять минут мы уютно расположились на парапете возле завода «Луч», потягивая самое студенческое пиво столицы.

Обожаю вечерний город. Жизнь не затихает в нем круглые сутки; людей на улицах ночью немногим меньше, чем днём, а поток машин иссякает где-то часам к двум, чтобы через час возобновиться снова. Совершенно незнакомые люди улыбаются тебе, встретив на улице. А ты идёшь, и думаешь – то ли действительно рады встрече, то ли ты на клоуна похож...

– «Копейка» подъезжает, – прервал глубокие размышления Саня. Чуть не подавившись, большим глотком влил в себя остатки жидкости и спрыгнул на тротуар. Хотелось курить и приключений.

В троллейбусе нас ожидал сюрприз – на задней площадке стояла внушительных размеров контролерша, при взгляде на бицепсы которой сразу хотелось заплатить штраф. Решив не рисковать, я достал из кармана мятый талончик. Саня вздохнул и поперся к водителю.

– За проезд, готовим за проезд, – монотонно декламировала представительница прекрасного пола, тяжёлым взглядом рассматривая на просвет дырки от компостера. Мы протиснулись в щель за ней. Скривившись при виде моего мятого «за проезд», женщина повернулась лицом к остальным пассажирам и выдала:

– Поберегись, Я иду!

Пофигизм на лицах пассажиров сменился испугом, и они суматошно начали щемиться по сторонам.

– Повезло нам, – заметил Саня, глядя, как стральчески извиваются пассажиры, прижатые к спинкам сидений мощной грудью. Я молчаливо с ним согласился, расслабленно плясая на проезжающие за окном машины. Вдруг со свистом шин троллейбус обогнал тонированный «мерс», за которым несся бежевый «жигуль». Миг – и у «копейки» взрываются все четыре колёса. Машину с искрами и визгом занесло в сторону и бросило на ограждение тротуара. Ничего себе, повезло мужикам – встреча была пустая. Если бы попали под встречный удар, то все...

Троллейбус заморгал аварийкой и остановился. Я не стал ждать приезда аварийных служб и вышел в открывшиеся двери. Сосед выскочил следом. Клуб, в который мы ехали, был рядом, и пройти лишний квартал пешком было уже не влом.

...Меня разбудили пьяные студенты. Куда они перлись в такую рань, было непонятно, но проснулся я вовремя – обшарпанный «дизель» подъезжал к станции «Мирадино». Ещё пятнадцать минут, и я дома. А там, хоть трава не расти.

Последний раз загремевав буферами, вагон остановился, и я выскочил на безлюдный перрон. Неторопливо достал сигарету, затянулся. Пристегнул к сумке ремень, одел через себя на плечо. Развел руки, попрыгал на месте, опустил руки. Утренняя зарядка для идиотов закончена. Домой!

Сумку бросил не распаковывая. Лень, потом займусь. Гудящую голову приглушил немного аспирином, по-быстрому разделся и залез под одеяло, не расстилая кровать. «Завтра ж на охоту! Всем спать!» Не помню уже, кто это ска... хр-р...

Утро нового дня началось с петушиных воплей – сработал будильник. Китайская промышленность исправно снабжала нас необходимой мелочевкой бытового назначения, основное достоинство которой состояло в непомерно низкой цене. Выключив чудо китайских технологов, пошлепал в ванную. «ХедЭндШолдерз», «Колгейт», «Жиллет», «Нивея». «Олд Спайс». Конец алгоритма. Надо соответствовать, ведь после отпуска хочется прийти на работу посвежевшим. А ведь действительно, на работу хочется. Даже странно. Никогда не думал, что отпуск может надоест. Пусть даже такой короткий. Две недели всего, а столько событий произошло – за год не наберется...

Проходная «Агромаша» встретила меня угрюмым взглядом незнакомого охранника. Наверное, новенький – я вроде всех уже знаю, приходилось сталкиваться на вторых сменах. От того, в каких ты отношениях с охраной, зависит, во сколько ты опечатаешь цех и пойдешь домой. Некоторые представители порядка понимают, что не в моих интересах оставлять ворота открытыми – если своруют детали, то «повесят» на меня. Поэтому замки запираем тщательно и ставим на воротах свои печати. Но среди охранников есть индивидуумы, следующие «букве», и на проверку ворот иногда уходит до получаса. И это, когда каждая минута на счету. Навер-

ное, чисто психологическое явление – ушел с работы на минуту раньше, а кажется, что сэкономил полчаса. Бывает, домой приходишь даже позже, чем обычно, зато настроение – как будто рубль нашел.

Кивнув охраннику, приложил пропуск к считывающему устройству и прошел через турникет. Все – «воля» кончилась.

«Поручкавшись» с половиной раздевалки, спустился в цех, в комнату мастеров. Там уже сидел Леха, наш зам по производству, с удрученным видом листая журнал сменного задания. Опять, наверное, вторая смена чего-то не выполнила.

– Не, нормально все, – ответил он на мой вопрос. – Так, задумался. Записывай сменное. Десять «больших», пятнадцать «малых» по суткам. И пять «бочек». И никто домой не уходит, пока сменное не выполнено!

Я по привычке сделал круглые глаза, записывая услышанное, а мозг уже работал на предмет расстановки людей. Блин, машин многовато сегодня. Как бы ни кичились своими должностями зануды из «Белого дома», деньги для них зарабатывает простой рабочий Вася. И иногда при разговоре с очередным «носозадиралой» так и хочется засунуть ему его же высказывания... Вот. А моя работа состоит не в том, чтобы «строить» подчиненных, как многие думают. Главное – организовать работу и найти недостающие детали, чтобы ребята могли собрать машины и заработать деньги, и заводу, и себе.

Сегодня было то же самое. Производственный план увеличили на двадцать машин, чтобы можно было «закрыть» зарплату сварочному цеху. И на эти же двадцать машин «сварка» отказывается давать детали. Очередной маразм – я должен пойти к ним и просить, что-то вроде «дайте мне возможность заработать вам деньги». Такое чувство, что люди «сверху» вообще не имеют представления о том, что происходит у них на производстве...

А это мой друг Илья Забавский. Слесарь-ремонтник по табелю, но исследователь в душе. Вечно обсуждаем с ним не политику с американцами, а то, каким цементом заливали Долину мертвых, или почему в Антарктиде до сих пор не нашли пирамиды. Вот и сейчас он узнал что-то сенсационное про людей-великанов древности; поговорили про Илью Муромца, «говорящую голову» Пушкина и мимоходом про древнюю Индию.

Время пролетело быстро. Люди потянулись в «курилку»; посмотрев на часы, обнаружил, что прошло уже три часа. Покурить, и можно «разгонять» людей – в это время начинают ходить по цеху уже упомянутые «люди сверху», которым не нравится, что люди сидят и не зарабатывают им деньги.

Рядом за стол плюхнулся Сержант – начальник смены. Достав из кармана пачку «Минска», он размял в пальцах сигарету и грозно спросил:

– Ну что, на рыбалку едем?

Это был риторический вопрос – все знали, что рыбак из меня никакой, и ловить рыбу я не езжу ни с кем и никогда. Вот таранку люблю, это да. А еще если с пивом, да на голодный желудок...

– Поедем! – решил я. Рыбки наловлю, высушу и съем. Да и причиндалы рыбацкие у меня остались – не могу себе представить деревенского мальчишку, который не ходил бы на рыбалку. Я уже давно не мальчишка, но спиннинг с донкой все еще не перепутаю.

– Вот это я понимаю! Мужчина! – завопил собеседник. – Я такое место знаю – охренеешь! Там щуки размером с крокодила!

– Я леща хочу, – перебил я Сержанта. – Сушеного с пивом. Давай на леща, а? Я и место знаю, и прикормку подсказали. Щука, конечно, хорошо, но лещ вкуснее.

– Да что ты в рыбе-то понимаешь! – махнул рукой начальник смены. – Ладно. Хрен с тобой, золотая рыбка! Поедем на леща. Давай, показывай место.

Я достал мобильник и включил «Навител», вспоминая свое странное знакомство. Когда мы с соседом по общежитию добрались-таки до боулинг-клуба, там еще оставалась пара сво-

бодных дорожек. «Застолбив» себе одну из них, взяли графин водки, салатик и уже час спорили друг с другом, у кого длиннее эго. Первыми шарами я не сбил ни одной кегли, и несколько фреймов (так, по-моему, называется раунд в этой игре) слил подчистую. Но потом стал навёрстывать, догоняя друга по очкам. И теперь у него было уже два страйка, и он сосредоточенно щурился и глядел вперед – прицеливался.

– Здравствуйте, молодые люди!

Красный шар дернулся в конце полета, со стуком упал на дорожку и полетел в угол.

– Ну Виктор Петрович! – всплеснул руками Саня. – Я даже не спрашиваю, что вы здесь делаете. Но зачем же под руку, а? Это же третий страйк был!

– Молодой человек, не ищите счастья в мелких повседневных победах. Великая Цель – вот что отличает настоящего мужчину от самца, помяните мои слова!

Профессор был изрядно навеселе и буквально светился от положительных эмоций. Эх, надо было зачетку с собой брать. Меня, в принципе, «трояк» устраивал, но сам факт подписи профессора под «пятеркой» был бы предметом нехилой гордости. Виктор Петрович преподавал историю. Не знаю, зачем будущему механику нужна настолько выходящая за рамки прикладного искусства наука, но лекции у него были интересными. Увлёкшись, профессор мог махнуть рукой на тему очередного занятия и два часа рассказывать про неизвестные диковинки и захватывающие открытия. Стоит ли упоминать о том, что на его лекциях всегда было полно народа. Сейчас же историк отмечал в кругу друзей какой-то праздник, ему стало скучно, и поднять настроение он решил за счет нас.

– ... Так вот, сижу я на берегу, и у меня вдруг – р-раз! Замечательная такая поклевка, фидер в колесо согнуло. Я подсек и тащу к берегу. И чувствую – рыбка на крючке как минимум на килограмм, а то и более. И я тащу ее, тащу, а берег-то обрывистый, в полметра где-то. Понимаю – не подниму. И, как назло – подсак в машине, а машина в пяти метрах от меня. Что делать – подымаю, хватаю рукой. Знатный такой лещик был! Вырвался, зараза, и оснастку всю порвал. И вот стою я такой, весь расстроенный, смотрю на камень, а там иероглиф выбит. Или руна. В общем – символ. И тут доходит до меня, что не должно тут быть никаких символов...

Профессор сделал загадочное лицо, как у мужика на картине Перова «Охотники на привале», и выжидательно посмотрел на нас. Я опомнился, схватил графин и поровну разлил остатки спиртного в рюмки. Захватившая меня история, как видно, просилась наружу, и профессор продолжил.

– Короче, бросил я удочку и начал эти символы на пленку щелкать. А рядом – еще несколько камней обнаружил, с такими же рунами. Или иероглифами. Полдня лазил, до самого вечера, но ничего больше не нашел. Снимки потом отправил в Минск, в Академию. Но ничего похожего так и не нашли, списали все на викингов – мол, проплывали по Свислочи, стали на стоянку, выбили на камне что-то вроде «здесь был Вася», и тему закрыли. Но я же знаю, что это не так... Вот. А рыбка там всегда отменная, постоянно езжу и вам, молодые люди, советую. В кормушки пшенку забиваю, с ванилином. Очень тамошней рыбе это нравится...

Почесав голову, вернулся в реальность. Нашел на карте Свислочь и тыкнул пальцем в то место, про которое говорил историк.

– Километров сто с копейками. Рассказали снасти, на что ловить. Вот прямо в пятницу, после работы, и рванем. Только на «сценике» поедем.

– Да уж, конечно, не на твоей «Жиге».

Вот опять им моя машина не нравится. В «сценике» места много и багажник объемный. И снасти влезут, и палатка, и диван с телевизором. Зато машина нежная, в ремонте дорогостоящая. А моя «шестерка» в случае поломки: дунул, плюнул, шпагатом подвязал – до дома доедешь. А скорость движения по нашим дорогам одинаковая. Если, конечно, Правила соблюдать. Про зиму вообще молчу – в «минус тридцать» моя «Жига» выезжала со стоянки раньше всех. Правда, тепло в ней, как в холодильнике. Никак руки не дойдут радиатор для обогрева

починить. Года два уже... Но снасти я все равно в машину положил. Мы, на сборке, народ предусмотрительный.

Ближе к обеду – очередная «планерка». Заместитель начальника повоспитывал кого-то по телефону и повернулся к нам.

– Так, все в сборе? На «селекторе» дали новые вводные. Отменяем все машины, кроме «сто сорок пятых» – сто штук на сбыт. Конвейер снова – самое слабое звено.

Блин! Дайте нам детали – мы не то, что пресс-подборщик, мы танк соберем. Примерно так и докладываю.

– До обеда мне на стол весь дефицит по машинам на постановку и испытания. Ну и, само собой, по сдаче. Что не успеет отдать сварочный цех – заберем трактором.

– Можем по покраске не пройти. Вся «лобовина» черная, а «мелочевка» и так забита...

Это Лемешонок, начальник участка покраски и сдачи машин. Ему нужно открасить все детали, которые мы будем собирать, а это большой объем работы.

Киреев выразительно посмотрел «в зал».

– Ты это на «селекторе» объясни. По «приходу» детали есть – значит, должны быть собраны. Остальное их не... не волнует. Я понятно выражаюсь?

Да, яснее некуда. Опять «Белому дому» деньги зарабатывать. Ладно, пора на склад. Цилиндров на сегодня не хватит, да и звезды почти в нуле... Никогда не забуду, как один из свеженазначенных начальников выдал, когда появились заготовки на «передние валы»: – «К концу смены чтобы были!» А процесс от заготовки до готового вала занимает два рабочих дня. Эх, нам бы их на месяц, на перевоспитание! Сравнили бы, что значит отметить собранные «пресса» галочками в документах, и сколько реального труда уходит на сборку каждой машины...

Позвонил начальник смены.

– Ты время видел? Где отчет?

Епта! Вот и конец смены. Набрал то, что сделали, задание на вторую смену, дефицит и передал отчет на другой участок. На планерку – и домой, отдыхать. Завтра снова беру дежурный барабан, вешаю на шею, и вперед, с песнями.

Неделя пролетела, как всегда, незаметно. Только выматываешься к концу все больше и больше. Вроде физической нагрузки и немного, кувалдой не машешь, но обычно к концу смены еле ноги за собой таскаешь. Работая слесарем, я так не уставал. А сегодня еще и пятница, а значит, у нас большой цеховой праздник. «Культура производства» называется. То есть – ящики должны стоять «в линеечку», детали в них должны лежать «в клеточку», бросаем работу, убираемся. Убирают мои мужики хорошо, без фанатизма. Это же не аптека, в конце концов, а цех предприятия тяжелого машиностроения. Поэтому после уборки ждем последнюю «планерку» – и долгожданные выходные.

В последний момент начальник смены от рыбалки отказался.

– Извини, Саныч, жену к родителям повезу. Давай на следующих, а? На этих, блин, точно не получится.

– Эх, ты! А так дружили, так дружили... Ладно, что сделаешь. А я все равно поеду. Только водки на одного многовато будет, я же на двоих брал.

– Водки много не бывает. Только закусывать успевай. А про рыбалку я серьезно, не получается у меня.

Нет, так нет. Уговаривать никого не буду. Но машина экипирована, приманка приготовлена, бак заправлен. И прямо с планерки – по газам.

Ехать до указанного места недолго. Почти час. Сверяясь с навигатором, доехал до поворота на Осиповичи и свернул в противоположную сторону, на Вязье. Место пользовалось успехом не только у минского профессора: от дороги в сторону реки вела ясно различимая колея. Ну, что ж, и мы туда же. «Шестерка» свернула в сторону и резво поскакала по буеракам. Хоро-

шая у меня машина, выносливая. Это не какой-нибудь изнеженный «француз» или brutальный «американец». И по бездорожью без проблем, и на светофоре могу фору дать некоторым иномаркам. Так, вроде подъезжаем.

Я вышел из машины и осмотрелся. Да, природа здесь, конечно, замечательная. Впереди спокойно течет река; теплый ветерок, птички, все такое. Так и хочется восторженно выматериться на начинающее опускаться солнце: красотища-то какая, так твою растак! А если имеешь развитое воображение, то можно представить себе какого-нибудь древнего дреговича или кривича, стоящего на моем месте хрен знает сколько тысяч лет назад и выбивающего в камне найденные профессором символы. Кстати, надо будет их поискать – интересно же.

Машины близко не ставил. Как-никак, водоохранная зона, а к чему мне лишние неприятности? На работе беготни достаточно. Не раз бывало: выходишь по делам в соседний сборочный цех, и чувствуешь себя, как летчик, выныривающий из грозовой тучи в безоблачное синее небо – все тихо, спокойно, рабочие ходят чуть ли не задом, заворачивая по гайке в час. И затем снова ныряешь в деловитый «кипиш» сборочно-окрасочного цеха... Так что рыбу будем ловить спокойно, не нарушая законодательство.

Первым делом размотал «закидухи». Пока поставлю палатку, наберу дров для костра, накрою сам себе поляну – потеряю время. Поэтому для начала выбираем место ловли и устанавливаем «рогатки». Тоже, кстати, сделанные на заводе. Складные, регулирующиеся по длине – последние разработки отечественных технологов, тоже увлекающихся рыбной ловлей. Одолжил их у нашего испытателя. А ловить будем на пшенку с медом, по рецепту профессора. Закинул спиннинг, прикрепил прищепкой колокольчик, натянул леску. Затем взял второй, повторил те же операции. Бултых! – кормушка улетела на дно метров за семьдесят от берега. Третий, четвертый... Все. Можно заниматься палаткой.

Где-то через час все было готово. Рядом с «ночным убежищем» весело потрескивал костер, а я смог непосредственно заняться тем, зачем сюда и приехал. Взмах – и поплавок весело запрыгал по разбегающейся волнами воде. Я сел на деревянную колодку, привезенную с собой, и чуть не замедитировал от удовольствия. Вот он – стопроцентный отдых!

Первая поклевка принесла мне небольшого окуня. Я даже немного расстроился – где же обещанный лещ? Но затем все наладилось, и к наступлению темноты у меня уже плескалось в ведре порядком лещей, немного плотвы, и оставалось где-то половина второй бутылки водки. И, когда два поплавка передо мной превратились в три, я решил остановиться. Кое-как перекинув «закидухи», бросил в костер охапку дров и заполз в палатку.

Меня разбудил колокольный трезвон. Поначалу мне было все равно – хрен с тобой, золотая рыбка, рви снасти, забирай спиннинг, только дай поспать. Но звон не прекращался. Матюкнувшись про себя, откинул полог палатки и вылез наружу.

Одна из «закидух» ходила ходуном. Я схватил спиннинг, дернул леску и чуть не потерял равновесие от мощного рывка. Сон как рукой сняло. Упираясь ногами в землю, я подтягивал рыбину к себе, затем внатяг отпускал, снова подтягивал, все ближе и ближе подводя улов к берегу. Опустив «подсак» в воду, я приготовился поднять рыбу, как вдруг, ударив по воде огромным хвостом, рыбина извернулась и потащила леску в траву, к коряге возле берега. Я дернул спиннингом еще раз, надеясь выбросить упрямое водоплавающее на берег, но было поздно. Кормушка прочно застряла в ветках дерева и не поддавалась никаким рывкам. Пришлось оплакать так и не пойманного гиганта, засучить штаны и, опираясь «рогаткой» о дно, брести к месту зацепа.

Дно здесь, оказывается, тоже соответствующее. Запутавшись в траве, я расцарапал ногу и вдобавок ушиб палец на ноге, задев мизинцем какой-то камень, лежащий на дне. Подцепив булыжник, я со злостью забросил его на берег, поскользнулся и плюхнулся в воду целиком.

Блин! Эмоции переполняли меня через край. Не выспался, упустил огромную рыбу, да еще и промок до нитки. Дойдя по пояс в воде до коряги, я распутал зацепившиеся крючки и потянул кормушку к берегу.

Плюхнувшись возле костра, снял с себя мокрые шмотки и развесил рядом с огнем. Блин, как же холодно! Вспомнил, что в багажнике лежит заводская роба – забрал домой, чтобы постирать. Вот сейчас она мне и пригодится.

Переодевшись в хэбэ, почувствовал себя теплее и увереннее. Это ж надо – рыбу распугал, кормушку чуть не потерял, весь вымок – и это в третьем часу ночи, когда все нормальные люди спят в обнимку с женами. Но и жаловаться-то грех: почти ведро рыбы не каждый опытный рыбак наловит. Тем более, я.

В снопе искр, поднявшихся до неба, я разглядел на соседнем валуне какие-то знаки. Наверное, это символы, о которых говорил профессор. Достав из кармана висевшей в палатке куртки фонарик, я присел на корточки и начал водить пальцем по знакам. Да, действительно. Аккуратные черточки с кружочками и завитушками самой своей формой предполагали, что наносил их не какой-нибудь неандерталец при помощи каменного топора, а кто-то более технически образованный. Да и викингам это делать ни к чему. Я видел несколько фотографий «рунных камней». Там руны были выбиты лентой и закручены в спираль. Вряд ли нетерпеливые искатели новых земель могли кропотливо, день за днем выбивать в камне свои письмена. Они, скорее, поели-поспали, покричали свои скандинавские песни и поплыли дальше, бороздить просторы, так сказать, мирового океана.

Ушибленный палец болел все сильнее. Рядом валялся камень, виновник моего плохого самочувствия. Если бы еще голова не болела... Пошевелив «рогаткой» угли в костре, от нечего делать взял камень в руку и начал рассматривать.

Булыжник, как булыжник – таких куча в каждой речке. Только они обычно занесены илом, а этот как специально лежал так, чтобы я за него зацепился. Вдоль камня протянулась маленькая трещина. Наверное, ударился об валун на берегу и раскололся. Вставив в трещину лезвие ножа, я начал поворачивать его, как отвертку, ничуть не переживая за клинок. Закаленное по полной программе в Агромашевской «термичке» лезвие прошло и не такие испытания в нашей общаге. Трещина на камне стала шире; затем он раскрылся, как ракушка, и у меня глаза полезли на лоб от изумления. Внутри были выбиты символы! Такие же, как на валуне!

Я в ступоре бросил камень на землю и полез в палатку. Вытащив из-под одеяла бутылку с минералкой, запрокинул голову и, не вставая, одним махом влил в себя остатки жидкости. Трясущимися руками достал сигареты, закурил. В мозгах начало немного проясняться.

Что же я такое выловил?! Старинный ноутбук? Древнюю женскую пудреницу? Бортовой компьютер с летающей тарелки? Или просто окаменелый памятник древней письменности, сохранившийся до наших дней?

Стрельнув «бычком» в сторону реки, доковылял до костра (нога затекла) и снова поднял необычный камень, еще раз убедившись: это никак не творение природы. Равномерно округлые створки, «под камень» снаружи и идеально плоские внутри. Да и весит он, наверное, меньше, чем настоящий камень такого размера. На обеих внутренних плоскостях таблицей выбиты руны: вертикально символы побольше, напротив них – горизонтально символы поменьше.

– Прямо как в таблице Пифагора! – пробормотал я себе под нос, разглядывая неизвестные знаки. Чтобы посмотреть на них повнимательнее, нажал пальцами на створки, пытаюсь их раскрыть. Не вышло. Постучал камнем по валуну, попробовал еще раз. Створки немного подались; посыпалась каменная пыль. Повторив процедуру несколько раз, выбил из предполагаемой завесы еще каменной трухи. Едва ощутимо шелкнув, камень раскрылся на девяносто градусов, и я, едва не выронив камень, испытал потрясение снова: несколько символов на одной стороне загорелись янтарно-желтым светом!

Ничего не понимаю. От каких же батареек заработала эта штука?! Да что здесь вообще происходит?! Пока я прикуривал вторую сигарету от окурка первой, синим светом загорелись символы на второй стороне камня. Я протянул палец и нажал на один из них.

Земля под ногами немного задрожала, а едва слышимый на грани восприятия свист резанул по ушам не хуже пожарной сирены. Казалось, голова раскалывается на части. Я упал на колени и прикрылся руками. Предметы рядом побледнели, окутались сизой дымкой и закружились хороводом. Или это у меня голова кружится? И запоздало похолодело в груди и екнуло сердце: нафига я нажимал?...

Свист прекратился так же неожиданно, как и начался. Земля перестала дрожать; я повернулся и лег на спину. Кружившиеся предметы оказались на своих местах, рядом догорал костер. Что это были за галлюцинации? Пепел недокуренной сигареты обжег пальцы, что еще раз подтвердило – я не спал, и землетрясение было на самом деле. Пожав плечами, я покрутил сам себе пальцем у виска и пошел сматывать свои «закидухи». Мне показалось, или окружающие валуны стали чуточку повыше? Или их стало больше... Ну, в отблесках костра и не такое померещится. Я прошел возле валуна к месту, где оставлял снасти, и застыл в ступоре.

Реки больше не было. Вместо нее в предрассветных сумерках виднелась широкая асфальтированная дорога, изрытая воронками. По обе стороны от дороги лежало несколько раскуроченных машин, вокруг которых ходили вооруженные люди. Они вытаскивали из машин все, что попадется. По всей видимости, мародерствовали. Неподалеку на траве были уложены тела. Их фотографировал на «мыльницу» рослый детина в спортивном костюме.

Все это проскочило перед моими глазами за какие-то секунды. Я стоял и растерянно хлопал глазами, совершенно не врубаясь в происходящее. Какие-то террористы среди белого дня напали на проезжающие машины, поубивали пассажиров и теперь их грабят. И это происходит в нашей стране?! А милиция? А звуки выстрелов? А люди, в конце концов?

Сзади зашуршала трава, что-то твердое уперлось мне в спину и жизнерадостный голос спросил:

– Ну и шо эта мы тут делаем?

Сердце с грохотом провалилось в пятки, я дернулся и растянулся на траве. Удар между лопаток оказался охренеть каким болезненным – я скорчился от боли и стиснул зубы, чтобы не заскулить, как поджавшая лапу дворняга.

– Валет! Я живого одного нашел, Валет! – крикнул невидимый бандит в сторону дороги. Я попытался подняться и заполучил новый удар, теперь уже в живот. Дыхание перехватило; я скорчился и инстинктивно прикрыл голову руками, больше не делая попыток встать. Куда же я попал? Почему эти люди никого не боятся?

Подошли несколько человек, вальяжно переговариваясь. Меня схватили за одежду и подняли с земли. Ватные ноги не слушались, несмотря на попытки стоять ровно – шок не проходил, я с трудом дышал, голова гудела. Похмелье тоже дало о себе знать.

– Чел, ты меня слышишь? – парень, который был здесь, наверное, главный, похлопал меня по щекам. Я ничего не ответил. Парень, пожав плечами, с размаху ударил меня в живот.

Ё! Сдавленно хакнув, я повис на руках.

– А теперь слышно? – не меняя интонации, спросил парень. На этот раз я нашел в себе силы кивнуть.

– Замечательно. Ну, и че вы сюда поперлись? Я же Тимуру говорил – босс разрешения не дал, значит делать вам тут нечего. А? Че молчишь? Ты вообще понимаешь, что я говорю?

Он посмотрел на меня, махнул рукой и достал рацию.

– Алле, шеф. Это я. Здесь один живой. Правда, контуженный. Куда мне его – к тебе везти, или с коллегами оставить?

– Вези ко мне, – затрещал динамик. – По дороге заедь к механикам, скажи, пусть запчасти живые с машин снимают. И аппаратуру, которая есть, тоже ко мне.

– Понял. Конец связи.

Опустив рацию, парень выразительно посмотрел на окружающих.

– Что стоим? Аппаратуру всю собрать. Рации, часы, фотоаппараты, камеры. побыстрее давайте, и так уже здесь долго торчим. Этого, – указал он на меня, – в машину.

Без слов меня потащили куда-то в сторону. На другой стороне дороги, в кустах стоял бортовой «уазик». Мне скрутили руки и ноги какой-то проволокой и, как мешок с картошкой, закинули в кузов.

Больно ударившись головой об угол, я, наверное, отключился, и пришел в себя, когда сверху на меня же полетели ящики, треноги от видеокамер, портфели с документами. Исполнительные террористы собрали действительно все, имеющее отношение к аппаратуре. Мне бы таких рабочих на завод – «пятилетка» в три дня была бы обеспечена.

Голова соображать не хотела. Даже когда машина завелась и поехала, и на каждой ямке я подпрыгивал, а на буераках катался по кузову, только одна мысль преследовала меня – нафига я нажимал...

И непонятно, что это за люди. Машины обстреляли из минометов, это факт. Но звуки выстрелов, а, тем более, разрывы мин в том же Вязье должны были услышать по-любому. А недалеко и Осиповичи. И дороги были бы оцеплены. А мы все едем и едем. И что это за люди с фотоаппаратами и видеокамерами? Наверное, ученые или журналисты. И что, раз они тут проехали, нужно было их из минометов? Что творится, непонятно.

Вроде, приехали. В кабине хлопнули дверцы, брезент открылся, и на свет выволокли меня вместе со всем техническим мусором. Я огляделся. Машина стояла во дворе большого дома, больше похожего на крепость, чем на жилое строение. Под ногами бегали куры, где-то мычали коровы, блеяли козы. Сельскохозяйственную идиллию нарушали хмурые мужики с автоматами, стоящие возле ворот. Наверное, это охрана босса, к которому меня привезли.

– Стой здесь, – сказал Валет, направившись к дому. Ага, на моем месте побежать может только псих. Руки-ноги связаны, вокруг автоматы. Да я пернуть, извиняюсь, лишний раз боюсь, чтобы этих, с оружием, не провоцировать.

На крыльцо вышел невысокий худой мужичок, чем-то напомнивший мне моего знакомого, Леню Аврамчика из нашей бригады. Только у этого взгляд пронзительный и руки все в наколках.

– Этого в дом. Отснятое с камер – пересмотреть, вдруг что-нибудь интересное есть. И развяжите этого, не убежит.

– Есть, босс.

Мне распутали «наручники», и я зашел в дом, растирая покрасневшие запястья.

– Ну, – главарь бандитов развалился в кресле и уставился на меня. – Что вы там снимали, что вынюхивали?

– Я не знаю, о чем вы говорите, – честно сказал я. – Не знаю, где я. Не знаю, что происходит. Просто вышел, смотрю – машины, люди. Потом меня поймали, по ребрам надавали. А я вообще ни при чем.

«Босс» посмотрел на меня и сказал:

– Не верю.

Этого было достаточно. Меня повалили на пол и некоторое время пинали ногами. Я прикрывал все, что мог, но от кованых ботинок особо не прикроешься.

– Ну не знаю! – в отчаянии закричал я, наплевав на гордость, самолюбие, лишь бы только больше не били. – Я на рыбалку приехал, откуда я знал, что здесь творится?! Я же просто... Просто...

Как ни странно, бить меня перестали. Я приоткрыл распухший глаз. Босс с выражением крайнего недоверия на лице смотрел на окружающих.

– На какую еще рыбалку? Да у нас в речке только покрышки ржавые можно выловить! Да пару мин еще неразорвавшихся.

– «Закидухи» ставил, – размазывая по лицу кровь из перебитого носа, выдавил я. До чего же больно! – Ведро лешей наловил, пошел проверить спиннинги, а тут вы.

– Я же говорил – контуженный, – обронил Валет, вытянувший ноги на диване.

– Что у него было с собой? – требовательно спросил Босс. Валет махнул рукой, и склонившийся в поклоне какой-то бандит поставил на пол пустое ведро, две бутылки из-под водки, фонарик и два спиннинга. Главарь покрутил в руках фонарик, спиннинг и спросил:

– Откуда?

– В Бобруйске покупал, на «птичнике».

– В каком еще Бобруйске?! – заорал бандит. – Там уже десять лет как руины одни остались! Я тебя пристрелю сейчас нахрен!

– Какие к черту руины?! – закричал я в свою очередь. – Живу я там! И работаю! Много лет уже!

То, что на атамана нельзя кричать, мне объясняли еще несколько минут, пиная сапогами.

– Не верю я тебе, – покачал головой бандит. – Ты сказал, на рыбалку приехал. На чем?

– «Жигули» у меня, «шестерка»...

– Никаких машин рядом не было, – встрял бандит, который приносил мои вещи. – Да и машины такой марки лет семьдесят уже не выпускались. Брешет, собака.

– Ладно, контуженный. Займись тобой попозже. Скажи спасибо, что в расход не пустил, отработаешь. Валет, отведи его к Хромому. Как раз ему в пару – хромой с контуженным...

Потеряв ко мне интерес, бандиты повернулись к карте, лежащей на столе. Я был выдворен на крыльцо, и один из бандитов потащил меня на задний двор. Шел, не сопротивляясь – еще одного избиения просто не выдержу.

Мы зашли в сарай. В углу была навалена солома и какие-то тряпки. Как оказалось, здесь я буду жить...

Хромого звали Павлом, и был он родом из Анатолии. Я не знал такой страны. Но, как оказалось, я не знал ничего.

Место, где я находился, когда-то называлось «Республика Беларусь». В двадцатых годах двадцать первого века, когда на Украине окончательно установилась анархия, Америка, потеряв надежды на захват Крыма, двинулась дальше. Польша, подстрекаемая Большим братом, объединилась с Литвой, Латвией и твердо решила вернуть себе границы Речи Посполитой. Когда запахло жареным, Беларусь согласилась войти в состав новообразованной Российской Империи в качестве автономного округа. Узнав об этом, на нашу территорию вторглись объединенные войска Прибалтики и Польши, чтобы силой вернуть земли, принадлежавшие раньше Речи Посполитой. Россия, в свою очередь, ввела свою армию для защиты соседней республики. Беларусь снова стала театром боевых действий, страдая от противостояния двух сверхдержав. Военные действия прекратились только после предотвращения запуска ядерных ракет во избежание обоюдного ядерного удара. Лежавшую в руинах страну молчаливо поделили, и теперь формально этой частью территории владела Польша, а фактически – бандиты разных мастей.

Окружающим странам тоже досталось. И, если Америка, как всегда, нажилась на чужой беде, то Польша, Австрия и Франция оказались в таком же плачевном положении. В «ничейных землях», опустошенных военными действиями, царила анархия, пока туда не пришли бандиты. Отдельные банды захватили территорию, установили там свой порядок и частенько воевали друг с другом, демонстрируя величину своего «достоинства». Кое-как ситуация упорядочилась и здесь.

Крестьяне, по каким-то причинам оставшиеся жить на ничейной земле, попали в «крепостные». Иерархия бандитов подразумевала абсолютное подчинение, и за малейшую провинность жестоко карали. Однако волей-неволей бандитам приходилось заниматься управлением, учитывая интересы крестьян. Если за побег наказывали с особой жестокостью, то за хорошую работу неплохо поощряли. Большинство продолжало работать, снабжая бандитов пищей.

Проблему рабочих рук решали за счет пленных. Нападали на другие деревни и группировки. Частенько пересекали границы Российской империи, Польши, других государств, пользуясь незащищенностью границ. И отовсюду приводили пленных, которые были на положении рабов даже у крестьян. К таким пленным принадлежал хромой Павел. Таким же был и я.

Окружающие называли меня Контуженный, на самом деле веря в то, что после «контужии» я действительно лишился рассудка, поэтому мои наивные вопросы ни у кого не вызывали сомнения или удивления. «А что это такое? Солнце? Ох, е-мое!» – примерно так, в их глазах, я заново познавал окружающий мир. А блаженных обычно не трогают. Я и вел себя соответственно, иногда пуская слюни и кривляясь, становясь самим собой только в присутствии хромого турка.

Две тысячи шестьдесят второй год от Рождества Христова принес много неожиданно-стей. Особенно мне. Особенно самим фактом своего существования.

– Расскажи еще что-нибудь, дядь Паш, – попросил я, откусив соломинку. Лежать просто так, глядя в чистое ночное небо, было величайшим наслаждением. Назойливо ныли перетруженные мышцы. Весь день бросали навоз, а вечером заставили чистить выгребную яму. Все равно – работа на шефа считалась престижной даже в этом плане. Рабам в деревнях приходится похуже. Нас хоть кормили прилично – шеф любил покушать, и обедков с его стола хватало всем.

За время, проведенное в рабстве, я научился многому. В первую очередь – самосохранению. Если нужно поклониться какому-нибудь овощу – я это сделаю, ведь накажут по полной программе. Либо в яму, либо розги. А можно и пулю получить – один черт, сгноят. Я раб, и даже хозяйские свиньи имеют больше свободы. А единственная возможность выжить в моем положении – делать то, что скажут, с максимальным рвением и в кратчайшие сроки. Чем-то завод напоминает. И я стараюсь. Потому что мне есть, что терять. Я нахожусь в будущем – неужели этого не достаточно?

На решение одного этого вопроса люди потратили сотни лет изучения. Ставили сумасшедшие эксперименты, выдвигали сумасшедшие теории. Приносили жертвы, наконец – на ранних стадиях изучения. А я нашел какую-то каменную фигню, и все. Как через порог перешагнул. Как это случилось? Почему я здесь? Почему именно я и именно здесь?

Куча нерешенных вопросов. Поэтому нельзя мне сейчас пулю. Поэтому я угодливо склоняюсь перед каждым, стоящим выше меня в местной иерархической лестнице. Я пытаюсь выжить, чтобы найти ответы и утолить ту жажду, что меня гложет. Хоть и закрадывается в душу, подмигивая масляными глазками, подленькая мыслишка: а жить-то хочется в любом случае...

Дядя Паша действительно был хромым. Он ехал к родственникам в Минск из далекой Анатолии, но попал под бомбежку возле Осипович. Машину разворотило в хлам, а сам он чудом остался в живых. С перебитыми ногами, в бессознательном состоянии его подобрали местные крестьяне. И атлет со спортивной фигурой стал хромым скрюченным инвалидом. Можно сказать, что бандиты его пожалели – ведь, если раб не может приносить пользу, его убивают, освобождая место другому.

– У себя на родине я работал преподавателем, – усмехался турок, иногда рассказывая про свою жизнь. Это происходило настолько редко, что я запоминал сказанное почти дословно. –

Может, поэтому меня оставили в живых. А тебя не убили, потому что вон, какой здоровый. Работы много сделаешь. А что без памяти – так это даже лучше. Легче управлять.

– Здоровый я от природы. А управлять мной нету смысла. Мира я не знаю, идти мне некуда. Да и не убежишь отсюда. Вон, все, кто пытался – в канаве за огородами лежат. И хорошо, если сразу убьют, мучать не станут. С простреленными коленями далеко не убежишь. А я, хоть в спортзал и ходил, убежать от них не рискну.

– И чем ты в спортзале занимался? – прищурившись, спросил хромой.

– Самым бесполезным видом спорта в современном мире. Да нет, не шахматами. Фехтованием. Насмотрелся в детстве «мушкетерских» фильмов, записался в секцию. Регулярно занимался, получил первый спортивный разряд. Вроде бы есть, чем гордиться, но шпагу в карман не положишь, и во двор не вынесешь. Лучше пошел бы на самбо какое-нибудь...

Турок приподнялся на локте и посмотрел на меня.

– Покажи мне, что ты умеешь.

– С ума сошел?! Это мне полагается чушь всякую нести. Где ты шпагу здесь возьмешь? Да и как я с тобой фехтовать буду – без амуниции, без шлема...

– В углу сарая колышки для помидоров стоят, возьми подходящие по длине. Я тоже кое-что умею; посмотрим, чему вас учат в придуманном мире.

Павел тоже считал меня умалишенным, поэтому я молча поднялся и побрел за «оружием». Интересно, чем он хочет меня удивить? Лучше бы спать пошли. Поздно уже, а хозяйские свиньи с коровами ждать не будут – с утра такой переполох устроят, если их не накопишь, что следующая ночевка точно будет в яме. Значит, пару уколов, и можно дрыхнуть.

– В лицо и пах не бить, остальное – можно, – сообщил дядя Паша, ковыляя к середине сарая. – Покажи, что принес. Сойдет. Ну, нападай давай!

Я стал в стандартную фехтовальную стойку. Конечно, палку со шпагой не сравнить, да и бить аккуратно нужно. Бредовая идея, в общем. Если кто услышит шум, обоим несладко придется.

Не дождавшись, Павел сделал выпад первым. Я крутанул рукой, отведя его «шпагу» в сторону, и нанес укол в грудь. Ну, как бы нанес – турка на месте уже не оказалось, а я неожиданно очутился лицом в соломе.

Следующие пять минут я был избит и обескуражен. Хромой инвалид гонял перворазрядника, как пацана, смясь и стебаясь при этом.

– Это не по правилам! – возмутился я после очередного «нырка» в грязь. – Нас такому не учили. Я же достал тебя в этот раз!

– Нет, не достал, – перестал смеяться хромой. – Какой смысл в том, что ты меня уколол? Ты вроде как отбил мою атаку и нанес удар в ответ. Но, если бы бой проходил на самом деле, ты бы лежал на земле с распоротым животом, а я максимум заработал бы царапину на плече. Такой неравнозначный обмен тебя устраивает?

Так я стал учеником дяди Паши. Он не врал, когда говорил, что работал преподавателем. Он только не сказал, что именно преподавал.

«Островная борьба на палках» – так назвал мой товарищ по несчастью свой предмет. Этот вид боевого искусства, по его словам, возник на завоеванных османами островных сообществах. Туземцам под страхом смерти запрещали иметь оружие, поэтому единственное, что они могли себе позволить, это выломать в кустах дрын подлиннее и ходить с ним на охоту, в чем немало преуспели. Аборигены островов вынужденно повышали свое мастерство. Им было не до поясов и разрядов – от их умения зависела судьба племени.

Со временем в «программу обучения» ввели и фехтование, и рукопашный бой. Островитянин мог орудовать практически любым видом холодного оружия, представив его себе как палку с дополнительными режущими свойствами. Эффективность такой системы в полной мере прочувствовали османы, подавляя стихийный мятеж на одном из островов. Только боль-

шое численное превосходство помогло имперским карательным отрядам взять верх. Пленные островитяне передали свои знания на материк, ничего не утаивая. А чего им было таить? Никаких тайных плясок с бубнами, никаких ритуалов со сжиганием чучела главного шамана. Взял палку, ударил. Главное – правильно.

Теперь наши будни разнообразились. Каждый день после работы Павел натаскивал меня по своему предмету. Я атаковал невидимого врага палкой, камнем, вилами. Если ничего не мог подобрать – дрался голыми руками. Посещавшие меня мысли о побеге периодически всплывали на поверхность, но теперь я их упорно отталкивал. С одной стороны, мне хотелось еще больше узнать от хромого турка. С другой, очередные несколько попыток сбежать окончились, как всегда. Беглецов поймали и казнили. Причем последнего поймали «смежники» – бандиты из соседней группировки привезли на пикапе то, что недавно было человеком. После этого хозяин показательно расстрелял нескольких «залетчиков», и жизнь пошла своим чередом. Я начал привыкать к своей судьбе.

Крестьяне, заходившие по различным поручениям на хоздвор шефа, не очень интересовались политической картой мира. Зато от них я знал, что происходит непосредственно «за забором». Польша удержала часть своих территорий от разграбления. Минск и Витебск стали пограничными городами; западная граница осталась примерно там же. Зато от Витебска до Брянска царил анархия. Могилев, Оршу, Бобруйск, Осиповичи разбомбили почти дотла, оставив руины, непригодные для нормального жилья. Жители там вроде бы остались, но, по слухам, стали нелюдимы и озлоблены. Остальные населенные пункты были либо разграблены, либо перешли под бандитскую «крышу». Люди в здравом уме подались в Минск, оставшиеся стали «холопами».

Официальной столицей Польши стал Вильнюс. Государство предпринимало попытки вернуть былые территории, и не раз выводило вооруженные силы в ничейные земли. Короткие вооруженные стычки оканчивались ничем. Понеся некоторые потери, стороны расходились туда, откуда пришли, набирались сил, и все повторялось снова. Бандитам осталось достаточно военной техники на полях сражений гражданской войны. Иногда подорванной, иногда просто брошенной – видимо, мешала драпать.

Но, в отличие от бандитов, Вильнюс занимался переговорами. Не имея возможности защитить границы, обессиленная страна медленно подымалась за счет соседних государств, заинтересованных в зачистке ничейной земли. «Сегодня они напали на вас. Что им мешает завтра напасть на нас?» – логично рассуждали они, подписывая контракт за контрактом. Поэтому общество продолжало жить своей жизнью. Люди работали, отдыхали, читали газеты и смотрели новости.

Корреспонденты, к которым меня ошибочно причислили, были как раз из Вильнюса. Популярный в стране телеканал снимал фильм про ничейные земли, бандитские общины и жизнь крепостных людей. Документальная лента должна была осветить другую сторону медали – именно быт бандитов. По принятым здесь «понятиям» режиссер испросил разрешение на съемку у правящей верхушки криминального мира и отправил в командировку дежурную съемочную группу. У нашего босса разрешения спросить забыли. Либо просили, но получили отказ. Так или иначе, журналисты полезли на рожон, невзирая на запрет. Нахальная братия, знаете ли. Боссу это, конечно, не понравилось, и проблему он решил радикально – минометным залпом. Ключевые дороги были давно пристреляны, поэтому группу накрыли сразу. И тут, совершенно случайно, из кустов вылез я.

Заочно записав меня в журналисты, местные «шестерки» решили мою судьбу. Так я стал рабом, а раб – он и в Африке раб. Бесправное согнутое существо не могло задавать интересующие меня вопросы. А раз так – нужно действовать, пока еще есть возможность.

Каждое утро, с трудом подымаясь, я разминал одеревеневшие мышцы, брал первую попавшуюся палку и проводил ставший уже привычным комплекс упражнений. Тяжелая

работа, изматывающая нас ежедневно, давала, как ни странно, и свои плюсы. Я похудел; в организме не осталось ни капли жира, а дряблые мышцы своей плотностью могли теперь потягаться с автомобильной покрышкой. Занявшись разминкой, я не сразу обратил внимание на некоторую безлюдность во дворе. Выглянув в приоткрытую дверь, я заметил двух охранников возле ворот. Больше на территории поместья никого не было.

– Что там? – спросил Хромой, не подымаясь с соломы.

– Да нормально все, людей только нет. Двое у ворот, и все. Подожди, вон Хомяк идет.

Хомяком мы называли управляющего, раздающего непосредственно нам перечень работ на сегодня. Жирный боров называл себя правой рукой хозяина, и требовал, чтобы к нему обращались соответственно. Ему подобострастно кланялись, но за спиной готовы были удавить. Один человек как-то попробовал это сделать. Его тело давно уже сгнило в старой канаве, а Хомяк выходил теперь из замкнутых помещений исключительно спиной вперед – повторения подобных случаев он не хотел.

– Что, спите еще?! – управляющий поморгал, привыкая к полутьме сарая. Затем увидел нас и кивнул.

– После кормежки скота почистите сток в канаве, затем крестьяне привезут дрова. Расколоть, уложить в стопки. До вечера не справитесь – шкуру сдеру. Завтра работы еще больше будет, поэтому в ваших интересах сделать все сегодня. А насчет шкуры – я не шутил.

– Хозяин, подождите, – поднял я руку. Обращение Хомяку понравилось, и он важно застыл, скрестив руки.

– А куда все запропастились? Обычно крестьяне по двору ходят, да и люди с оружием всегда есть. А сегодня тихо, нет никого...

– Вообще-то тебя никакие дела касаться не должны. За сам вопрос я уже тебя в яму должен посадить – вдруг ты под шумок побег замышляешь? Но, так и быть. Шеф на сходку поехал к Барину и ребят всех забрал. Так что я! – он поднял палец вверх, – я сегодня замещаю шефа по всем вопросам. Все, занимайтесь. Некогда мне.

С важным видом управляющий попятился к выходу, двинул ногой в дверь и вышел.

– А кто такой Барин? – недоуменно повернулся я к напарнику.

– Не все ли равно? Бери вилы, пошли. А то в самом деле к вечеру в яме окажемся.

Хмыкнув, я подхватил черенок, сделал пару финтов вилами и отправился следом.

Потратив полчаса на раздачу сена оглушительно мычащим рогатым созданиям, я воткнул вилы в песок и отошел за угол по приспичившей нужде. Но раздавшаяся возле ворот автоматная очередь заставила меня передумать. Я быстро подтянул штаны и бегом рванул к соседнему сараю – «позырить» лучше всего было оттуда. Хромого не было видно; наверное, опять задумался, или просто толстые стены сарая скрыли доносившиеся звуки.

Распластавшись на земле за колонной, один охранник «поливал» из автомата калитку. Второй лежал в луже крови и держался за бок. Автомат валялся рядом. Оглянувшись, первый бандит вытащил из кармана гранату, швырнул ее за ворота и побежал к сараям. А через забор уже перепрыгивали нападавшие.

Опачки! Если я сейчас не сбегу, буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. А то в таких условиях протяну недолго. Медленно отойдя назад, я повернулся и побежал к сараю с коровами – Пашу нужно забрать с собой. Шансом на спасение друга пренебрегать не стоит.

Возле ворот я нос к носу столкнулся с незнакомым мужиком с автоматом – вероятно, одним из напавших на нас боевиков. От неожиданности я поскользнулся, поэтому очередь, направленная в меня, пришлась в воздух. Я же, плюхнувшись на спину, случайно двинул боевика ногами по голениям. Тот, нелепо взмахнув руками, тоже упал, ударился головой об камень и затих. Подскочив, я с перепугу двинул ему ногой под дых, потом еще раз. Вроде не двигается. Блин, что же это такое? Весь дом обложили. Шансы на побег резко упали – если не «свои», так «чужие» бандиты пристрелят. А счастье было так близко...

Из ворот выглянул взъерошенный турок. Моментом оценив ситуацию, он отбросил вилы, схватил меня за плечи и потащил внутрь.

– Ты с ума сошел?! Тут сейчас вся банда будет.

– Не будет, – я сбросил его руки и вкратце обрисовал ситуацию. – Теперь понимаешь? Бежать надо прямо сейчас, пока все стрельбой заняты.

Павел подумал немного, подошел к стене, взял черенок от лопаты и похромал к выходу.

– Ты беги, – обернулся он на ходу. – Я здесь останусь.

– С ума сошел? Они же тебя убьют!

– А ты не подумал, что здесь остались дети, женщины?! – крикнул он в ответ. – Ребенок не виноват, что его отец бандит и убийца. Сын за отца не в ответе – слышал такое? Они ведь защититься не могут. Представляешь, что сейчас будет твориться в главном доме? И я, – перевел дух турок, – я пойду их защищать. И неважно, убьют меня или нет. Человек должен оставаться человеком в любой ситуации, воняет от него дерьмом или Шанелью...

– Че кричать-то? – буркнул я, перехватывая трофейный автомат поудобнее. – Пошли, что ли.

Встретившийся нам боевик вряд ли полез через забор в одиночку. Так и оказалось – около дверей сарая я услышал приглушенный гомон и вовремя потянул напарника за руку. Мы попятнулись к сваленным у стены рулонам сена. Гомон прекратился, и в рывком распахнутую дверь влетел небольшой кругляш. Ёп, граната! Толкнув турка в сено, бросился следом сам. Повезло – спрессованные рулоны защитили нас и от взрыва, и от осколков. Затем в сарай забежали люди. Им не хватило нескольких секунд, чтобы меня разглядеть – переход с яркого солнца в темноту гарантированно ослепляет. Я же в полумраке видел хорошо, поэтому встал, почти не скрываясь, и в несколько коротких очередей утихомирил всех. Это оказалось несложно. Сколько я читал про переживания книжных героев! Месяцами их терзали душевные муки за отправку негодяя на тот свет. И плевать им было, что негодяй, образно выражаясь, пил кровь младенцев и пачками убивал невинных до завтрака и после. Я, почему-то, ничего не почувствовал. Может, я такой же, как они?

Пока я страховал напарника, прикрывая двери, турок сноровисто пробежался по трупам и собрал оружие и боеприпасы. Затем он показал пальцами на противоположную сторону сарая. Я согласно кивнул – уходить надо быстрее, пока атакующие не хватились подкрепления. И сваливать через дверь граничило с самоубийством. Мы по пластуниски проползли в проем для выброски навоза и, пригнувшись, побежали к гаражу. Проход в общий подвал позволял проникнуть в дом с неожиданной для нападавших стороны.

Первые бандиты уже орудовали в доме. Через дверь в подвал были слышны крики и звон разбиваемой посуды. Тихонько приоткрыв створку, мы оказались в доме Шефа. Бандиты были неопытные – вместо того, чтобы обезопасить себя зачисткой помещения, сразу занялись грабежом. Поэтому стрелять не пришлось – всех встреченных мы тихо уложили прикладами на землю. Турок сноровисто принялся связывать им ремнями автоматов руки и ноги; я пошел наверх – не хотелось повторить совершенной боевиками ошибки. Вроде никого нет – повезло, все собрались в одной комнате.

Из двух противоположных комнат раздалась какая-то возня. Блин, какую же выбрать? Взяв автомат наизготовку, тихонько нажал на дверную ручку. Открывшаяся без скрипа дверь явила мне следующую картину: три женщины сидели верхом на боевике, который безуспешно пытался подняться с пола – мешали связанные руки и спущенные штаны. Я кивнул головой, мол – все в порядке? Одна из них закивала и отчаянно затрясла рукой, указывая на противоположную комнату. Сейчас проверим, что у них там.

В соседней комнате боевик подмял под себя молодую девушку в разорванной одежде и расстегивал ремень, жизнерадостно хрюкая в предвкушении удовольствия. Я обломал ему весь кайф, что было силы треснув прикладом по затылку. Что-то хрустнуло, и недоказанова

мешком осел на пол. Никогда не любил насильников. Давил бы гадов голыми руками. Видно, моя ярость отразилась на лице, потому что девушка вжалась в изголовье кровати, прикрылась руками и зажмурилась.

– Не трону я тебя, не бойся, – не своим голосом сказал я, тяжело опершись на дверной косяк. – Возьми одеяло, прикройся.

Снизу раздалась автоматная очередь. Подхватившись, я бегом рванул дяде Паше на помощь. Никогда себе не прощу, если пристрелят моего единственного друга в этом мире.

– Гости заходили, – крикнул турок, подымаясь мне навстречу. – Одного уложил, может, еще зацепил кого. Внизу окон много, а на второй этаж ведет только одна лестница. Продержимся. Должны же вернуться домой наши кормильцы! Вот их они и встретят. Если друг друга перестреляют, печалиться не буду.

Похромав до дивана, турок тяжело свалился, поджав ноги. Черт, я и забыл, что он инвалид! Как же напарник выдержал нашу вылазку? Я присел на пол у двери, пододвинул к себе автомат и стал ждать.

Внизу раздались выстрелы, послышался топот ног. Боевики обшаривали комнаты, простреливая двери. Я дождался, пока пришедшие окажутся подо мной, и бросил вниз одну за одной две гранаты. Меня осколки не достанут, а дому и так нужен был ремонт...

Больше к нам никто не заходил. Боевики явно были в замешательстве – тяжелого оружия, чтобы прострелить толстые стены, у них не было. Не зря же они поперлись сюда именно сегодня – значит, дали наводку, что на базе никого не будет; значит, рассчитывали обойтись без потерь. И никто не планировал вмешательства двух пленных рабов. Да я сам себе удивляюсь – насколько обезбашенным надо быть, чтобы решиться на такое предприятие. Видимо, я сильно изменился за последнее время.

Свалить боевики не успели. Подъехало несколько машин, послышались матюки, и перестрелка началась заново. Только недавние нападающие перешли в разряд обороняющихся. Ну, и я вас сверху немного приглажу. Короткими очередями я отправил в дальние края еще трех человек, прежде чем по окну начали стрелять. Укрываясь от выстрелов, я перешел в другую комнату, где сидела закутавшаяся в одеяло девушка, и приголубил еще двоих. Под перекрестным огнем боевики не выдержали и, побросав оружие, застыли с поднятыми руками. Огонь со стороны ворот прекратился; из-за забора показались знакомые лица. А вот хрен вам! Быстро поменяв магазин, я прицелился и уложил троих оставшихся. Если бы не подоспела подмога, эти «сдавшиеся» с большой охотой перестреляли бы нас, а потом занялись пленниками. Так что все я сделал правильно.

Двор наводнился «своими» бандитами. Я бросил автомат, подошел к дивану, на котором лежал дядя Паша, и опустился на пол. Наверное, начало сказываться психическое напряжение – голова гудела, руки тряслись и отказывались подчиняться. Я сидел на полу, как мешок с мукой, и не смог подняться даже при виде входящего в помещение Босса – сильнейшее нарушение местного этикета. Не взглянув на меня, главарь прошел мимо и зашел в комнату к женщинам, откуда уже выносили брыкающегося пленника.

– Здорово, Контуженный! – присел рядом на корточки Валет. – Давно не виделись. Куришь?

Я молча кивнул. Бандит выташил пачку, шелкнул зажигалкой и передал мне зажженную сигарету. Я посмотрел на уголек, вдохнул ноздрями аромат – и затушил сигарету об пол. Не стоит начинать после такого длительного перерыва. Неверно истолковав мои действия, Валет нахмурился, но ничего не сказал. И правильно. Пофиг мне сейчас на все, а уж тем более – на душевные переживания взявшего меня в плен бандита.

– Ты даже не представляешь, что ты сделал, – продолжил помощник главаря. – Ты спас единственную дочку шефа, она же – моя невеста. Понимаешь ситуацию?

Я сделал усилие и изобразил изумление. Да, полетят теперь головы, за дело и просто так. И полетят в буквальном смысле. Ведь неспроста нападение произошло именно в отсутствие основного состава банды. Значит – знали, что никого нет. Значит – либо атаку спланировал Барин, с которым у Шефа была встреча, либо инфу слили свои, что более вероятно. Не будет же так явно подставляться главарь другой банды.

Хотя, мне-то что? Я мог сбежать, а вместо этого опять сижу в окружении бандитов, не зная, что будет дальше. Зато совесть не будет мучать по ночам, если жив останусь...

Перед моим опущенным взором возникли добротные кожаные ботинки. Шеф стоял и пристально смотрел на меня, затем похлопал по плечу.

– Пошли, разговор есть. Валет, тоже пойдем поговорим.

Я тяжело встал, встряхнулся и молча пошел за главарем. Решается моя судьба, а мне фиолетово. Нельзя так себя держать. Эта усталость – психологическая, как реакция на проведенный бой. Поэтому яйца в кулак, морду – клином, и вперед, зарабатывать очки, пока масть прет. Ну, или пока ствол к виску не приставят...

Мы зашли туда, где женщины пинали недавно связанного «мачо». Теперь в комнате никого не было. Я прикрыл за собой дверь и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– У меня проблема, – сказал Шеф, глядя мне в глаза. Ну, блин. На то ты и главарь банды, чтобы решать разные проблемы. Главное, со мной разберитесь по-человечески. Устал я за вами кашаки подбирать.

– За то, что ты сделал, я должен тебя наградить и принять в коллектив, – кашлянув, сказал он. – Но, видишь ли, какое дело. Не будут мои ребята с тобой работать, потому что это «западло» – есть, образно выражаясь, из одной миски с рабом. Я могу им приказать, но авторитет потеряю. А с этим делом у меня и так в последнее время проблемы. Поэтому выхода лично я вижу два. Первый сразу опустим – убивать тебя я не стану, хотя некоторые уже про-сили. Мол, если рабу дать оружие, он начнет стрелять. И не в кого-нибудь, а в нас самих. Да и как я могу убить спасителя моей семьи? Я лучше над пленниками поработаю, злее буду.

Я внутренне содрогнулся. Кто выжил в нападении, тем реально не повезло. После допроса сами будут пулю просить, для облегчения страданий.

– Вот. А насчет тебя решение такое. Виталий выдаст тебе комплект одежды, сухпаек на несколько дней и проводит до ворот. Я скажу своим – на нашей территории тебя не тронут. Не знаю, вылечил ты свои мозги, или нет, но лучше пробирайся к родне или знакомым. Я тебе посоветую идти в Минск. Вопрос закрыт. Еще что-нибудь?

– Есть одна просьба, – сказал я. Валет украдкой махнул рукой – мол, какая еще просьба? Живым отпустили, радуйся.

– Я прошу отпустить со мной Пашу.

– Кто это? А, твой хромой напарник? А он тут при чем? Разговор был про тебя одного. Хочешь – иди, не хочешь – возвращайся в сарай. Я сказал.

– Без него не пойду, – твердо повторил я, сверля глазами бандита. Главарь помолчал немного.

– Ты свой выбор сделал. Валет, отведи его на рабочее место.

Я молча шел за бандитом, следом ковылял хромой турок. А на душе так погано – не передать словами. Вот же гад. Ничего ему не стоило отпустить обоих, нет же – на принцип пошел. Ладно. Я не я буду, если при первой же возможности не сбегу. И дернуло же на защиту пойти! Хотя нет, это как раз-таки правильно было. А в остальном – косяк...

Паша бросился на меня с кулаками, когла услышал пересказ разговора с главарем.

– Да как ты мог! – вопил он, размахивая руками. – Дурачина, уходить надо было! Черт со мной, я уже старый, и так скоро помру! А ты жизнь свою загубил на ровном месте!

Я молча уклонялся от ударов. Ну не мог я бросить старого ворчуна, пережив с ним такое. Мы своих не бросаем. Дед рассказывал, в войну могли половину отряда положить, чтобы

одного с поля боя вынести. Потому что человек, с которым ты перенес столько тягостей, даже не брат тебе. Он становится еще ближе, и эту неразрывную связь никак уже не изменить. Турок тоже это понимал. Перестав на меня бросаться, он сел возле стены, обнял себя руками и качался из стороны в сторону, бубня что-то себе под нос. Я взял вилы и молча начал чистить загон. В этом состоянии и застал нас Валет.

– Не кипешуйте, хлопцы, – ухмыльнулся он. – Амнистия!

С этими словами бандит бросил на солому два тюка с одеждой. Мы переглянулись.

– Что стоите? Раздевайтесь, мойтесь. Я вам мыло принес. Не одевать же чистую шмотку на ваши вонючие туловища. Рюкзак с хавчиком – за дверью. Да что вы стали, блин? Отпустили вас, обоих! За ворота выведу, переночуете за старым дубом, там кострище есть, валежник рядом. Давайте в темпе, меня невеста ждет.

В замешательстве я начал скидывать с себя рвань. Валет, ухмыляясь, сел на ящик, достал сигарету и закурил. Да, удивил меня Шеф. И авторитет перед «братками» не потерял, и со мной по-человечески рассчитался. Стратег, блин.

Через некоторое время, чистые и переодетые, мы снова шли следом за бандитом, но совсем с другим настроением. Впереди нас ждала неизвестность, а главное – свобода.

Когда стемнело, разожгли костер. Сушняка вокруг действительно было много. Меня даже посетила мысль, что его преднамеренно разбросали здесь побольше – не могло столько валежника собраться здесь естественным путем. Так или иначе, давно я не испытывал такого сильного чувства удовлетворения. Сытые и счастливые, мы лежали возле весело потрескивающего костра и смотрели в усеянное звездами небо.

– Куда ты пойдешь теперь, дядь Паш? – спросил я, пуская в небо колечки дыма. Валет не поспешил, и всунул в рюкзак целый блок сигарет. Не выбрасывать же их, в самом деле. Израсходую потихоньку, порадую измученную душу.

– В Минск, конечно. Меня уже, поди, списали совсем. Из пункта «А» выехал, в пункт «Б» не приехал. А здесь война. Вот племяши удивятся! Слушай, пойдём со мной! – оживился турок. – Рабочие руки везде нужны, а мы с тобой вроде как закаленные. Со всем на свете справимся!

– Нет, не пойду, – отказался я. – У меня своя дорога. Утречком встану, и буду искать то место, где меня нашли. Ну, я же рассказывал тебе.

– Да, знаю, – отмахнулся Хромой. – Никак, понимаешь, не верится мне... Я много всего повидал, но чтобы человек из другого времени – не знаю. Может, тебя в самом деле миной накрыло?

Я молча отвернулся. Единственный человек, которому я все рассказал, до сих пор мне не верит. Черт с ним. Мне сейчас главное – дойти до этих рунных валунов и на месте разобраться, что же в самом деле произошло. Ведь это действительно произошло, и я пострадал от действий непонятных мне сил. Я должен понять, что случилось и как теперь с этим жить.

В кустах затрещали ветки. Паша встрепенулся и подхватил с земли толстую палку, которой поворачивал угли в костре. Всполохи огня осветили девушку, испуганно замершую на границе видимости с корзиной в руках. Постояв немного, она решила и, сделав несколько шагов, присела у костра.

– Чего тебе, красавица? – приветливо спросил турок. Гостя не ответила, только посмотрела на меня. Вспомнил! Это ее я спас от насильника. Так вот, значит, какая невеста у Валета...

– Спасибо вам! – шмыгнула носом девушка. – Я пирожков вам принесла, еды всякой. Мне Виталик сказал, где вас найти, специально сюда отправил.

– Так батяня твой расплатился уже с нами. А больше и не нужно ничего.

– Я же от себя, от чистого сердца!

– Ладно, не начинай, – отмахнулся турок, роясь в корзине. – Спасибо тебе, конечно, дочка, за заботу, но скажи – не страшно тебе одной по темноте гулять, после того, что случилось сегодня?

– Я не одна, папа ко мне охранника приставил, – сказала девушка. – Вот еще, возьмите. Мне папа подарил, давно еще. Мне это ни к чему, а вам пригодится. Вы хорошие, в людей стрелять не будете.

С этими словами она вытащила из-за пазухи тряпичный сверток и передала мне. Е-мое! АПС – автоматический пистолет Стечкина, с двумя запасными обоймами, вычищенный, весь в масле. Ничего не скажешь, хорош подарок! Я такие в армии пристреливал. Выбирали лучших стрелков из сержантского состава, и отправляли в тир, вместе с ящиками оружия, пристреливать стволы перед отправкой в часть. До этого, во время учебы, я был кандидатом в сборную по стрельбе – пули ложил кучно, но не всегда в центр, поэтому и завернули. Зато в тире так наострил – хоть медаль на «плазме» вырезай.

– Ну все, я пойду, – поднялась девушка. – Корзину себе оставьте, пригодится.

– Подожди, – попросил я. – В какой стороне находится место, где в прошлом году журналистов разбомбили? Меня там в плен взяли, хочу еще раз побывать, на местах, так сказать, боевой славы.

– Так это вам в другую сторону от усадьбы надо. Вон туда пойдете, все время прямо. Не ошибетесь, там одна дорога. Через две деревни на перекрестке налево, и еще пару километров. Там рядом еще ориентир – старые рунные камни.

Я так и подскочил.

– Их я в первую очередь хочу посмотреть! А что ты про них знаешь?

– Да ничего особенного. Никто не знает, откуда эти надписи. Приезжали как-то историки, до войны еще. Смотрели, фотографировали. Ну, а потом сами знаете. Не до истории было.

С этим я был согласен. По рассказам крестьян, здесь такие бои шли, что главной задачей населения было найти, где схорониться. Бандитам тоже на историю плевать. Значит, ориентироваться будем на месте.

Поднимая пыль новенькими «берцами», мы с напарником неторопливо шли по наезженной дороге. Впереди показалась первая деревня из двух обещанных, и там явно было не все в порядке: вокруг нескольких машин сновали люди, загружая в багадники мешки и кудахтающих кур.

– Это не грабеж, – сказал турок, приложив руку ко лбу. – Нет, ну, в принципе, это, конечно, грабеж, просто крестьяне отдают дань своей «крыше». Так что, расслабься. Давай лучше присядем, перекусим.

Пожав плечами, я сбросил рюкзак, отнес его на травку неподалеку и накрыл скромную «поляну». Ждать пришлось недолго – машины развернулись, и направились напрямик к нам. В бинокли смотрели, что ли?

– Кто такие? – высунувшись в окно, требовательно спросила бритая голова.

– Вольные мы, – поклонившись, сказал турок. – Босс отпустил, за заслуги. У Валета можете спросить.

Бритый перевел взгляд на меня и некоторое время рассматривал.

– Ладно, поехали, – буркнул он. Машины сорвались с места и уехали в сторону поместья.

– Могли бы быть проблемы, – посмотрев им вслед, сказал дядя Паша. – Что тебе, поклониться жалко, что ли?

– Накланялся уже по гроб жизни, – хмуро ответил я, увязывая остатки трапезы.

– Зря. Поклониться не тяжело, а получил бы пулю – и конец истории. То, что тебя выпустили, еще не значит, что за тобой какая-то сила. Гордость потерпит, а пулю из головы не выковыряешь.

На этой лирической ноте мы пошли в деревню. Крестьяне, безропотно отдавшие запасы продовольствия, с опаской косились на двух исхудавших проходимцев, но мы не обижались, а, вежливо кивая, пошли дальше.

Вот и знакомые места. Дорога, рядом – заросшая травой воронка, ставшая последним пристанищем несчастных журналистов. Значит, слева – камни.

Так и оказалось. Бандиты лишь поверхностно осмотрели место моей неудачной рыбалки. За одним из поваленных камней, к моему превеликому удовольствию, торчал уголок туристической сумки. Моей сумки. Турок, покачивая головой, с удивлением смотрел, как я вытаскивал на свет божий мотки лески, крючки, блесны. Банку с протухшей кашей, поморщившись, выбросил в кусты. Затем появились сокровища: мобильник, портативное зарядное устройство и связку ключей от машины. Самой машины рядом не было, но ключи я выбрасывать не стал. А вдруг? Проверил телефон. Естественно, батарея в нуле. Я вторкнул в разъем провод и начал неторопливо крутить ручку зарядного.

– Что ты делаешь? – нарушил молчание турок.

– Мобильник заряжаю. Что за глупый вопрос. Классную штуку китайцы придумали, да? Встроенный аккумулятор заряжается от сети, от компьютера и от небольшой динамо-машины вот здесь, сбоку, видишь? Я кручу ручку, в устройстве появляется ток и заряжает аккумулятор, а заодно и батарейку телефона. Специально для рыбалки купил. Тут еще и радио есть, и фонарик.

– Да, – почесал голову напарник. – Я у нас такого не видел.

– Ты «у вас» многого не видел, пока в плену сидел. Может, и здесь такие штуки делают. На вот, крути. Я пойду еще одну штукину поищу.

Передав устройство дяде Паше, я поднялся и начал вертеть головой. «Так. Костер у меня был справа. Потом я поднялся, повернулся, кажется, еще вправо, в сторону дороги. Прошел несколько метров, и меня поймали. Значит, ищем здесь». Порыскав в высокой траве минут десять, я поднялся и почесал голову. Ничего. Пройдемся еще раз. Здесь стоял, здесь поймали. Носком ботинка ковырнул комок земли в траве. О, вот и мой доисторический «ноутбук». Наверное, забросало грязью во время ливней. Все, можно собираться домой.

Турок усердно крутил ручку зарядного устройства. Оживший «мобильник» сеть не нашел. Неудивительно. Вряд ли поблизости есть хоть одна передающая станция. Зато нашел несколько станций по радио. Передавали веселенькую музыку, погоду и новости. А вот это действительно интересно...

Какая-то поп-звезда пришла на вручение престижной премии без нижнего белья и активно это демонстрировала. Американские военные, окрыленные очередным успехом в Иране, решили напасть на Гондурас. На вопрос ведущего, зачем американцам страна, в которой нет никаких полезных ископаемых, кроме бананов, присутствующий в студии генерал меланхолично произнес – а вдруг? Про нашу местность не было сказано ни слова.

– Ну что, дружище, пора прощаться, – я поднялся с камня и начал собираться. Сумку с вещами и пистолетом оставил Паше. Меня и так первый же патруль остановит, зачем мне лишние проблемы? А Паше пригодится. Турок недоуменно посмотрел на меня.

– Ты что, серьезно? Дружище, я, конечно, верю, что ты нормальный, но, блин... С трудом, короче.

Я бросил ему камень с наполовину раскрытыми створками.

– Эта штука перенесла меня сюда. Надеюсь, она работает в обе стороны, так что здесь наши пути расходятся. Тебе нужно к родственникам в Минск, а я хочу домой.

Обнявшись с напарником, я стал в центр камней и открыл «ноутбук». Крышка щелкнула, снова явив общественности символы – только они не светились, как в прошлый раз. Я набрал в грудь побольше воздуха, задержал дыхание и нажал на знакомый символ. Затем еще раз. И еще раз.

Ничего. Ни сирены, ни свистопляски. Растерянно выдохнув, я с недоумением посмотрел на прибор. Что произошло? Может, сломался? Но ведь работал же он после многовекового нахождения в проточной воде! Я раз за разом нажимал на кнопку, обходя по кругу стоящие камни, и все безрезультатно. Паша печально смотрел на меня, качая головой.

– Я не псих! – от отчаяния бросив на землю прибор, крикнул я. – Эта штука работала, а я из другого времени. Ну скажи, ты же видел мои вещи, они же не отсюда. Я вообще приехал на рыбалку!

Турок дружески обнял меня за плечи и усадил на камень.

– На вот, выпей, полегчает.

Я машинально отпил из протянутой фляжки и закашлялся. Хороший самогон, крепкий. Надо же – заныкал от меня такую «вещь». Наверняка Валет подкинул. Немного отпустило, и я завалился на спину, глядя в синее до безобразия небо. Никаких чувств, кроме обиды и опустошенности. Только этим моментом я жил целый год рабства – жил и надеялся, что все-таки доберусь до этого непонятного места, найду прибор и вернусь домой. Теперь надежда иссякла, а старик уверился, что я ненормальный. Я еще смогу, наверное, его убедить, но какой теперь в этом смысл? Остаток жизни я проведу в этом сумасшедшем мире, единственный нормальный из всех. Ученые мужи будут ломать головы над возможностью существования параллельных миров, прыжков во времени, а я – настоящее, живое доказательство их наличия – могу оказаться в «психушке» за одну только свою историю...

До Минска решили идти своим ходом. Я плелся сзади за турком, невесело топая по лужам, оставленным недавним дождем. Остаток вчерашнего вечера и всю ночь мы провели на старом кострище, и я высосал всю фляжку, пытаясь смириться со злой шуткой, которую сыграла со мной судьба. Мне удалось забыться, и теперь я мысленно подстегивал тяжелое похмелье. «Ну, давай, припей меня окончательно. Чтобы жизнь медом не казалась. Мало тебе рабства в чужом времени? Вот, сдохни сейчас на этой дороге!»

Я увлекся самобичеванием и не заметил, как турок уже некоторое время тревожно оглядывался, замедляя шаг. Затем он совсем остановился и потянул носом воздух.

– Ты ничего не чувствуешь?

– Вроде нет. Воздух, как воздух. Пованивает немного, но я думал, что это ты...

Напарник хмыкнул и показал мне кулак.

– Дымом пахнет, не слышишь? Пожар где-то.

Мы прошли еще немного вперед, и действительно увидели поднимающийся из-за деревьев столб черного дыма. А это что – женские крики, или мне показалось?

Деревня была пуста. Крики и дым исходили из поселкового центра, на котором очередные сборщики дани «наказывали» несогласных сельчан. Горел жилой дом с настезь распахнутыми окнами, а на улице девица с кулаками бросалась на бандитов, заталкивающих в «бобик» сильно помятого мужика. Больше на улице никого не было – крестьяне самоустранились от разборок, проявив исконно белорусскую толерантность. Короче говоря, струсили.

Затолкав мужика в машину, один из боевиков повернулся, заломал девахе руки и начал срывать платье. На нас они внимания не обращали. Чего можно ждать от двух оборванцев, неизвестно как оказавшихся в деревне? Банды все боятся. Прикрикнешь разок – отвалят, а нет – пулю промеж глаз... Не, брат. А «превышение полномочий» не хотел?

– Только не вздумай... – начал турок, обращаясь ко мне. «Пах!» «Пах!» У ближнего бандита на футболке появились красные пятна и он завалился на деваху. Та екнула – и закричала еще сильнее. «Пах!» Следующий. Выпустив на бегу несколько пуль по стеклам, я обежал машину и двумя выстрелами добил сидящих в кабине, с запоздалым раскаянием вспомнив про мужика в салоне. Вроде его не зацепило.

– Чего стоишь? – крикнул я продолжающей вопить девахе. Господи, заткните же ее кто-нибудь! – Забирай своего мужика и проваливай!

Мгновенно перестав реветь, крестьянка уцепилась в своего мужчину, и оба, не оглядываясь, юркнули в ближайший двор.

Черт! Опять подступило похмелье. Дожидаясь, пока перестанет мутить, я оперся на раскрытую дверку.

– Что ты наделал? – подскочил турок. – Их же хватятся, и за нами отправят погоню! И от деревни камня на камне не оставят.

– За деревню не волнуйся. У крестьян оружия нет, да и что они видели? Налетели, постреляли... На нас выйдут по следам, да и местные покажут, но я надеюсь, что к тому времени будем уже далеко. Зато мы постреляли бандитов, разжились провизией и «колесами». Да не кисни ты! – я хлопнул напарника по плечу. – Мы действовали по ИХ законам, а топтать пешком до самого Минска я не хочу. Помоги лучше трупы вытащить.

Разобравшись с телами, я слил бензин в бак из запасной канистры. Взревев мотором, «уазик» сорвался с места, подняв столб пыли. Да уж, следов мы оставим предостаточно. Единственное, что не может не радовать – их обнаружат не скоро.

Погоню мы обнаружили на подъезде к Привольному. Объезжая очередную воронку, оставшуюся со времен недавней войны, я увидел в боковое зеркало поднимающуюся пыль. Бандиты гнали по ухабистой дороге, не снижая скорости. То ли их гнала месть за убитых товарищей, то ли приказ «пахана» – было уже неважно.

– Держись крепче! – прокричал я напарнику, нажимая педаль газа. Многострадальный «бобик» зарычал прогоревшим глушителем и начал набирать скорость. Увидев, что их заметили, бандиты начали стрелять. В задней двери появилось несколько дырок. Мда, ответить нечем – два трофейных «макарова» не в счет. Поэтому пригнулись – и газуем дальше.

Выскочив на поворот, я увидел картину, от которой волосы встали дыбом. Еще бы – по обе стороны дороги стояли две БМП, повернутые дулами пушек в сторону дороги. Стояли брустверы из мешков с песком, а дорогу перекрывали бетонные блоки, образуя так называемый «лабиринт контроля».

– Из машины! – я резко дал по тормозам, и мы «ласточкой» прыгнули в кюветы. Сзади выскочил «пикап» с боевиками, палящими по бедному «уазу», и на БМП заработали пулеметы. Обе машины превратились в решето, я изо всех сил вжимался в землю, как будто это могло спасти от пули из крупнокалиберного пулемета. Не прошло и минуты, как все было кончено.

– Мужики, не стреляйте! – крикнул я из кювета, предусмотрительно не высываясь наружу. В ответ раздалась еще одна очередь. Там, где я только что лежал, расцвели фонтанчики пыли.

– Офонарели, блин? Мы свои, не стреляйте, говорю!

Мне ответил мегафон.

– Медленно поднимайся, чтобы я видел!

Медленно подняв руки, я поднялся на колени, затем встал и, держа на пальце «макаров», пошел к блокпосту. Несколько человек, укрывшись за бруствером, держали меня на мушке.

Навстречу вышел один человек с автоматом наперевес.

– А теперь скажи, почему я не могу пристрелить тебя прямо здесь?

– Мы не бандиты. Были в рабстве, вырвались, идем в Минск. По дороге нарвались на бандитов, захватили машину, они следом. Финал вы видели.

– Ладно, стрелять пока не буду. Убедил... почти. А «мы» – это кто?

– Напарник со мной, турок по национальности. У него в Минске родственники.

Человек поднял мегафон.

– Эй, турок, – разнеслось над дорогой. – Выходи, руки над головой.

Над развороченным асфальтом выросла всклокоченная голова, и напарник присоединился ко мне. Убедившись, что больше никто не выйдет, нас обыскали бойцы и определили в местный «обезьянник» – небольшую комнату с небольшим зарешеченным окошком.

– Опять «нары», – я завалился на» кровать» и вытянул ноги. – Дядя Паша, ну тебя, допустим, пробыют по базе и выпустят. А я? Потеря памяти, документов нет, даже проверить не смогут. Назад, на ничейные территории?

– Хрен его знает. Точнее сказать не могу.

Я предполагал, что будет дальше. Со сменой караула нас отправят в так называемый «отстойник», где будут держать до выяснения личности. А там, если докажут связь с бандитами – к стенке, если нет – иди работай на восстановление страны. Меня пробить не смогут даже по отпечаткам пальцев, несмотря на то, что в Беларуси проводили поголовную дактилоскопию. А как получить новые документы, я не знаю, ни разу с этим не сталкивался. Вот такой вот коленкор... Ладно, что гадать. От бандитов избавились, а со своими все одно полегче будет.

К вечеру захотелось есть, но, сколько я ни барабанил в дверь, ответа не добился.

– Отдыхай, пока время есть, – философски заметил напарник, не вставая с нар. Все это время, пока я мучался в раздумьях, он бессовестно подрых, закинув ногу за ногу. Эпикуреец, блин. Я начал стучать еще громче. Наконец загремел замок, и в дверях показались несколько человек, но без еды, а с какими-то документами.

– Четинкая Павел... м-м-м... Аазиз-оглы? – с трудом выговорив незнакомые слова, спросил один из них. Турок спрыгнул с нар, потянулся и подошел к вошедшим.

– Это я.

– Пройдемте с нами. Вещи заберете в коридоре.

Ни говоря ни слова, мы крепко обнялись. Дядя Паша ушел с военными, а я взял оставленную кем-то миску с борщом и снова поднял шум.

– Ну, чего тебе? – лениво поинтересовались за дверью.

– Ложку хоть дайте, что ли!

– Может, тебе еще и заварки налить? – выдал невидимый собеседник бородатейшую шутку и ехидно засмеялся, довольный собой. – На, держи.

В дверную щель просунули гнутую алюминиевую ложку. Вот крахоборы! Даже здесь зажмотили. Кое-как выровняв прибор, я быстро опустошил миску. Чем же еще заняться? Непривычно скучно. Ни стрельбы, ни работы, ни гонений. Я плюхнулся назад, решив последовать мудрому совету турка и «надавить на массу».

Утром загремела дверь, и меня попросили на выход. В коридоре я столкнулся с дядей Пашей, который обнял меня так, что хрустнули ребра. Ничего не понимая, я пошел следом за ним и сел в тонированный микроавтобус с дипломатическими номерными знаками, где нас встретил пожилой мужчина азиатской наружности в костюме «от кутюр».

– Здравствуйтесь, Роман Александрович! – поздоровался он. – Позвольте представиться. Четинкая Мехмет, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Анатолия в Польше.

В голове начали складываться кусочки мозаики. Значит, это и есть «родственник» дяди Паши. Недаром напарника так быстро выдернули из «отстойника», да и меня следом. Я благодарно кивнул бывшему рабу, тот довольно ухмыльнулся, мол – знай наших!

После обмена любезностями ехали молча, а я во все глаза смотрел на окрестности. Улицы Минска не подвергались бомбежкам, поэтому вокруг было чисто и ухожено. Изредка глаз цеплялся за патрули в военной форме, но и те никого не останавливали, а прогулочным шагом меряли мостовую. Здесь жизнь текла своим чередом.

Доехав до площади Независимости, мы свернули куда-то во дворы и остановились возле одного из жилых домов.

– Приехали, – сказал Мехмет, по дороге не проронивший ни слова. – Выходите, ваши вещи принесут.

Квартира, в которую мы поднялись, немного меня удивила. Я ожидал турецких ковров, кальяна и еще чего-то в этом роде. В фантазиях промелькнули наложницы, демонстрирующие танец живота. На самом деле все было по-офисному строго, не считая кожаных диванов.

– Что-то не так? – спросил посол, заметив мой обескураженный взгляд. Я, немного замаявшись, высказал свои мысли.

– Ну, что вы, – засмеялся он. – Я же не могу демонстрировать гарем всем посетителям. Они пудрят носики в соседней комнате.

– Да шутит он, – спас меня дядя Паша. – Весь его гарем вон, на кухне, ужин готовит.

– Что вы там про меня говорите? – с сильным акцентом сказала пожилая турчанка, выглядывая из дверей. – О, у нас гости. Сейчас ужин будет. А это... Павел?!

Минут десять слезы радости лились ручьем, затем хозяйка снова захлопотала и потащила нас ужинать.

– Накрывай пока на стол, а мы покурим на балконе, – распорядился Мехмет, приглашая нас на выход. А то – во все времена серьезные разговоры велись либо на кухне, либо на балконе. Либо в другом, таком же подходящем месте.

Достав из ящика какие-то коробочки, посол подключил их к сети, пощелкал тумблерами. Затем наглухо закрыл ставни стеклопакетов.

– Все, готово.

– А что это? – указал я на ящик.

– «Глушилки», для защиты от прослушивания. Мне Павел кое-что рассказал про тебя, и в голове это не укладывается. Хотелось бы услышать первоисточник. Я слушаю.

Подумав, с чего начать, я мысленно махнул рукой и выложил все, как есть. А что скрывать? Если обращаться к нашим спецслужбам, то сначала меня закроют, как бы для обеспечения моей же безопасности, мои вещи с «прибором» отдадут в Академию наук, там его сломают в поисках истины, а обломки забетонируют, чтобы никто не нашел. И, боюсь, мое тело окажется рядом с обломками в том же фундаменте. Нет человека – нет проблемы. У государства и так после войны забот выше крыши. Зачем безопасникам лишняя геморрой? А так – нет прибора, и никто его не находил, и спросить некого. А сам я с этим не разберусь. Что за камни? Почему прибор не сработал? Турки могут помочь, тем более, поддержкой посла я уже заручился. Не факт, что гладко пойдет и дальше – я белорус, а моей страны нет на карте. Я жил в Бобруйске, а на месте моего города руины. Короче, посмотрим по ситуации.

Беседа плавно перешла за стол, где уже Павел рассказывал о своих приключениях. Затем продолжали уже вместе. К концу нашего повествования окружающие молча сидели, замороженно глядя на нас.

– По вашим рассказам можно фильмы снимать, – покачал головой посол. – Ладно. Я в посольство, а вы осваивайтесь тут. Единственная просьба – не выходите наружу. Эта квартира принадлежит посольству, а значит, здесь территория Анатолии. Так меньше проблем с властями. Войти сюда можно только с моего разрешения, а все, что попросите, доставит охрана.

Мы остались одни. Напарник с хозяйкой ушли на кухню – им было о чем поговорить, а я удобно устроился на диване, взял пиво, пульт и начал переключать каналы.

День пролетел незаметно. Я успел еще раз выспаться, принять ванну и посмотреть очередную экранизацию «Бэтмена», посмеиваясь над «суперкрутым» главным героем, когда наконец приехал посол. Переодевшись, он позвал нас на очередное мини-совещание.

– Значит, так. Вы двое будете пока жить в соседнем доме, посольство арендует там квартиру. Так будет лучше и нам, и вам.

Конечно, я его понимал. Когда живешь с семьей, хочется чувствовать себя комфортно, походить беспрепятственно по квартире в трусах, наконец. И ясное дело, двое свалившихся на голову беженцев будут мешать.

– Павел, с твоими документами проблем не будет. Я уже отправил запрос в Анатолию на подтверждение твоих данных. С тобой, Роман Александрович, посложнее. К счастью, ситуация в твоей стране нам на руку. После бомбежек не осталось архивов, и невозможно определить, существовал ли ты вообще. Общая схема такая. Орган, принявший тебя, как беженца, с твоих слов составляет досье и отправляет по месту названной тобой прописки, где должны подтвердить информацию об этом. Милиция проверяет по базе отпечатки твоих пальцев, и, если все чисто – данные отправляются в паспортный стол, где делают новый паспорт. Только не забудь, что страны «Беларусь» у нас уже нет. Будешь поляком, или русским. Поляком проще – меньше геморроя.

Опа. Поверил, значит! Ффух. Можно расслабиться. Я и не заметил, в каком напряжении сидел с начала этого разговора.

Мехмет заметил мою реакцию, но проигнорировал.

– По готовности ваших документов вы принимаетесь на работу в посольство в качестве рабочих высокой квалификации. Большой защиты организовать пока не могу. Роман, я заметил, как ты отреагировал на мои слова. Да, я тебе верю. Сейчас объясню, почему. В молодости у меня был друг-историк, защищавший кандидатскую по теме «необъяснимые явления древних мифов и сказаний». Он видел во мне благодарного слушателя, и тренировался в докладе. Смысл такой: некоторые мифические герои по результату выполнения своих подвигов либо уносятся в волшебную страну богов, либо в Валгаллу, отмечать свои победы с бывшими соратниками, либо уходят в неизвестную пещеру, где засыпают «вековым сном», ожидая возникновения новой вселенской проблемы – исчезают непонятно куда с возможной технологической подоплекой вопроса. Случай, примерно похожий на твой. В общем, нашел я его. Сейчас это уважаемый человек, доктор наук. Историк-археолог. Именно он убедил меня в подлинности твоего рассказа. И, как крайне заинтересованное лицо, просит тебя поговорить с ним.

– А как я это сделаю? Без документов меня никуда не пустят. Конечно, я хочу встретиться с человеком, который мне верит, тем более, с доктором наук. Но...

– Зачем куда-то ехать, если за окном двадцать первый век? Поговорим по Скайпу, всего и делов. Можно это сделать прямо сейчас, я буду переводчиком...

– Костян, помоги! – прохрипел я, обливаясь потом. Руки дрожали, пот заливал глаза, и штанга никак не хотела подниматься. Накачанный парень подхватил гриф, и я облегченно сполз с лежанки.

– Зря ты себя до изнеможения доводишь, – с осуждением сказал Костян, снимая с грифа «блины». – Есть же проверенная система, которой нужно следовать.

– Ничего, все нормально.

Я с некоторым самодовольством посмотрел на себя в зеркало. Благодаря хорошему питанию, от худющего «сдохлика» не осталось и следа. В зеркальной стене отражался мускулистый «жлоб», весь мокрый от пота. Немного отдохнуть, и продолжим.

Подхватив тренировочную палку, я отошел в дальний угол, чтобы никому не мешать, и повторил комплекс упражнений, с которых когда-то начал мое обучение турок. Эх, Костян. Не понимаешь, что тренироваться нужно именно после таких физических нагрузок – мышечная память эффективнее на триста процентов, а эффективность тренировок повышается вдвое. Хорошо! Мышцы звенели от удовольствия. Спасибо Мехмету, приобрел абонемент в спортзал для работников посольства.

Жизнь моя, в общем-то, наладилась. В тумбочке у кровати лежал польский паспорт на мое имя; на основании этого нас с Пашей приняли на работу в посольство. Работы было немного, даже стыдно было получать зарплату, эквивалентную полугодовой на «Агромаше». Турок всегда сидел на работе, давая мне возможность заниматься своими делами. Объяснял это возрастом и хромотой. Поэтому я часами висел в спортзале, поднимая свои навыки,

и плотно общался с профессором из Академии наук. После нашего разговора через сеть он развил бурную деятельность и организовал «обмен опытом» с Академией наук Польши. Группа студентов и ученых исторических направлений с радостным удивлением отправилась в далекую Анатолию, дав возможность прилететь профессору и его группе. Я тоже сильно удивился, узнав, сколько стоила эта затея, но потом решил не брать в голову. С меня денег не требуют, и ладно.

Присутствуя на профессорских лекциях, я сильно расширил свой кругозор. Оказывается, камни, перебросившие меня сюда, подходили под общее название «мегалиты» – доисторические сооружения из больших каменных блоков, либо глыбы со следами древней обработки. Где-то они были просто навалены в кучу, где-то в виде строений определенного назначения. Сейчас я сидел на очередном таком слушании, где совместно с турецкими учеными выступали их коллеги из Вильнюса.

– Все мы знаем, – доносилось с трибуны, – что официальная история в той или иной степени лжет. Точки отсчета времени постройки большинства мегалитов приняты «на глазок» матерыми учеными в сороковых годах прошлого века. Даже радиоуглеродный анализ невозможно провести без примерного указания временного интервала постройки. А сколько таких сооружений без нормальной датировки разбросаны по всему земному шару? Фундаментальная наука в упор не хочет видеть противоречия своего учения с фактическим знанием, подтверждение которого лежит буквально на поверхности. Как известно, мегалитические сооружения Малой Азии датируются девятым тысячелетием до нашей эры, и авторство тут же приписывается народу, населяющему эти места. Вдумайтесь в эти слова: как человеческое сообщество, находящееся на заре развития земледелия и скотоводства, смогло возвести такие циклопические постройки? Да они землю палкой копали! В шкурах ходили! А объем проведенных работ возможен только при наличии сложных современных станков. Еще сто лет назад мы были не в состоянии сделать что-либо подобное. История врёт!

Докладчик сделал паузу, промачивая горло. Да, на эту тему мы долго беседовали с профессором. Под его влиянием я даже начал изучать турецкий язык, а профессор – русский. Штатным же переводчиком был турецкий аспирант, проходивший обучение в РУДН. Интереснейший собеседник, он был уверен, что нужно идти дальше. Почему, например, никто не рассматривает следующую возможность – человечество развивалось так, как ему и положено, не имея вообще никакого отношения к постройке мегалитов? Да, большинство сооружений вполне могли быть построены людьми данного периода. Но на их фоне тем более выделяются идеально обработанные поверхности многотонных каменных блоков, иногда перекрытых известью, а кое-где и слюдой. И уж тем более, древние землепашцы не могли соорудить перебросивший меня сюда прибор.

Это вообще отдельная песня. Турок, увидев раскрытый камень с символами, впал в невменяемое состояние. Он танцевал, подпрыгивал, кричал что-то на своем языке, блаженно улыбаясь. Затем незамедлительно потребовал его себе в безраздельное владение, и немного удивился, когда я его послал. Дело чуть не дошло до драки. Пришлось позвонить Мехмету. Сошлись на следующем – я буду лично присутствовать на исследованиях, и смогу их остановить по первому требованию. А самих исследований была масса. После этого мы еще больше сблизились, и на ломаном русско-турецком общались уже без переводчика.

– ... поэтому я предлагаю пересмотреть общепринятую датировку появления человечества на планете, – закончил докладчик, и под бурные аплодисменты сошел с кафедры.

– Как дела сегодня? – спросил профессор, когда мы сели в машину. – Поработаем? До вечера лаборатория в нашем распоряжении, на твоей работе я уже договорился.

– Поработаем, – согласился я. – Только на квартиру заедем. Ключ из сейфа забрать. Слушай, док, неужели мне обязательно присутствовать на всех этих сходках? С тех пор, как мы вместе работаем, через меня столько информации прошло – обалдеть можно!

Ключом мы назвали камень с символами. Надо же его как-то называть. Приборов в лаборатории много, а Ключ – один...

– Зато ты не будешь выглядеть крайне некомпетентным человеком – читай, полным лохом – при встрече с действительно умными людьми, – съязвил профессор. – Раз уж ты включен в мои исследования, значит, должен быть по крайней мере в курсе происходящего. Вот скажи, почему мы не смогли определить возраст Ключа?

– Потому что камень не поддается радиоуглеродному анализу, а другого метода мы пока не знаем, – мысленно скривившись, пробубнил я.

– Ну вот! Растешь! А теперь скажи, почему гранитная оболочка камня в районе кнопок переходит в керамику?

– Док! Ну откуда ж мне знать?!

– Мы тоже не знаем. А индикатор? Это вообще загадка! Вот поэтому нужен именно ты, человек, который непосредственно контактировал с прибором. Нужна хоть малейшая зацепка. Теорией-то у меня вагон и маленькая тележка, а на практике – ноль...

Забежав в подъезд, я чуть не споткнулся о сидящего на лестнице человека. Мужик в строительной робе с блаженной улыбкой спал, опершись спиной о перила, рядом на ступеньках стояло полбутылки хорошего коньяка с остатками закуски. Мельком удивившись, как он открыл закодированную дверь, я взлетел по лестнице на третий этаж, достал ключи и обомлел: дверь была вскрыта! Ну что, воров ждет неприятный сюрприз. Тихонько приоткрыв дверь, я скользнул внутрь. Шторы были задернуты, поэтому я пригнулся и пошел по коридору. Бам! Прилетело сзади. Головой распахнув дверь в спальню, я брякнулся на пол и перекатился в сторону. Вовремя – в пол с тихим чпоканием впились пули. Ёклмн! Он еще и вооружен! Схватив ночник, я бросил его назад, затем одеяло, подушку и следом бросился сам. Пока нападавший инстинктивно уворачивался от подушки, я подскочил к нему, вывернул руку с пистолетом и от души настучал «в табло». Затем добавил еще. Безвольное тело опустилось на пол, а меня трясло. Во попал! Еще бы немного – и закончилась бы моя биография. В соседней комнате что-то громыхнуло. Подхватив пистолет, я бросился в коридор, но не успел. Вероятный сообщник вора уже гремел ботинками по лестнице. Нет, гад, не уйдешь! Догнав негодяя на первом этаже, я оттолкнулся от лестницы и, придерживаясь за перила, обеими ногами толкнул его в спину. Хакнув, бедняга впечатался в косяк и замер. Краем глаза заметил еду на газетке, и очередная мысль сверкнула в мозгу: а где мужик с бутылкой?

Профессор лежал, истекая кровью, в продырявленной пулями машине, а в конце улицы, воя резиной, уходил в поворот невзрачный «хетчбек».

– Потерпи, дружище, – бормотал я, набирая «сто три». – Сейчас наши приедут. Алло, «скорая»? Огнестрельное ранение. Перекресток Захарова и Румянцева, во дворах у подъезда. Жду.

Заклинившая дверь не поддавалась. Сняв майку, я намотал ее на руку и резким ударом выбил стекло, залез в салон и приложил майку к груди профессора. Тот приоткрыл глаза и застонал.

– Держись, док, – майка становилась красной. – «Скорая» уже едет.

– Ключ... – прохрипел турок.

– На месте. Сейф они взломать не успели. Ты, главное, не отключайся, ладно? Я слышал, в таких ситуациях разговаривать надо. Вот и «бухти» про то, как корабли бороздят... Большой театр.

Как ни странно, скоро раздалась сирена, и во двор заехали медики. Оперативно! Как-то еще в Бобруйске другу стало плохо, так «скорая» ехала двадцать пять минут. Это при том, что само здание «Скорой помощи» находилось в пяти минутах ходьбы пешком...

– Выживет? – спросил я у медиков, когда они собирались уезжать.

– Должен. Позвоните по этому номеру, узнаете, куда его определяют. И не уходите пока, сейчас приедут сотрудники правоохранительных органов. Такой случай, сами понимаете.

Я кивнул, попросил у медика сигарету и сел на лавочку, провожая взглядом микроавтобус. Интересные какие воры! Подстраховка, оружие с глушителем. Я против воли покосился на лежащий на лавочке «ПМ». Как-то это все... с далеко идущими концами.

– Это здесь перестрелка была? – подбежал запыхавшийся участковый. Затем он увидел пистолет, и нервно схватился за кобуру. – Не двигаться! Руки за голову!

– Остынь, начальник! – попросил я. – Это я «скорую» вызвал. А твои документы можно посмотреть?

– Обойдешься. Сиди спокойно, я сказал! Наряд приедет, разберемся.

Раньше наряда приехал Мехмет с сопровождением. Участковый был «построен» и «послан», равно как и подъехавший наряд милиции. И только «комитетчикам» было оказано содействие. «Люди в штатском» подробно меня расспросили, затем поднялись в квартиру.

– Посмотрите, все ли на месте, ничего не пропало? – предложил один из них.

– Деньги пропали, – с честными глазами сказал я. – Десять тысяч долларов. Зарплату откладывал, на машину копил. На телевизоре лежали, в шкатулке. Так вместе со шкатулкой и сперли. Остальное вроде все на месте. Сейчас я пройду, удостоверюсь.

Я демонстративно прошелся по комнатам, заглядывая в шкафы. Еще раз осмотрел квартиру.

– Да, все на месте.

– А что у вас в сейфе? – указал «комитетчик» на большую железную дверь в стене.

– Там пострадавший профессор оставлял оборудование из своей лаборатории. У них мыши завелись, боялся, что проводку испортят.

– Можно посмотреть?

Я набрал код и открыл дверцу. Внутри лежал Ключ, набор различных электротестеров и датчики с проводами.

– Все на месте? Ясно. Тогда попрошу Вас не покидать город, может возникнуть еще несколько вопросов. Квартиру мы опечатаем до особого распоряжения.

Пожав плечами, я вышел вместе с ними в коридор и спустился на улицу. Криминалисты мазали кисточками перила – надеялись найти отпечатки сидевшего на лестнице «бомжа».

– Ну, что ты им сказал? – спросил посол, когда я сел в микроавтобус охраны.

– Сказал, что деньги сперли. Но на самом деле я думаю, что искали Ключ. Слишком уж все... подготовлено, что ли. И мужик снизу на стреме, и отход. Да и вряд ли обычный грабитель будет глушитель на ствол одевать. Пугануть оружием, это да, а глушак показывает, что заранее на стрельбу настроились.

Мехмет откинулся на сидении.

– Вася, – позвал он в приоткрытое окно. – Покажи нам еще раз запись.

Охранник забрался внутрь и открыл нетбук.

– Во всех квартирах, принадлежащих посольству, установлены скрытые камеры наблюдения, – виновато отводя глаза, сказал посол. – Зато мы можем посмотреть запись.

Твою ж через коромысло! Значит, я в труселях по дому хожу, а за мной подсматривают? Ну, вуайеристы скрытые! Я хотел высказать турку все, что я о нем думаю, но Мехмет ушел от разговора, включив запись.

Никакие они не воры! Прошлись, осмотрелись, нашли сейф и начали вскрывать. Не получилось сразу, а тут и я некстати зашел. Приготовились к моему приходу – подождали, пока я войду и закрою дверь, чтобы не было свидетелей. Значит, мужик на лестнице действительно «на стреме» стоял.

– Что мы из этого имеем? – спросил я и сам же ответил. – Они знали, что Ключ в квартире и в сейфе. Но не знали код доступа. Из этого следует – «крот» не из наших. А теперь поехали к доку.

Вторая городская больница была недалеко, но к профессору нас не пустили. Операция еще не закончилась, и в приемном покое нас вежливо развернули, невзирая на высокий ранг посетителя.

– Значит, так, – Мехмет напустил на себя профессионально-деловой вид. – Я поехал в прокуратуру. Проникновение воров на территорию посольской квартиры – это нарушение границ Анатолии. Пусть шевелятся. Мне неважно, как и где силовики будут искать стрелявшего, главное – по-любому они его найдут!

– Я тогда в больнице останусь. Присмотрю за доком.

– Если что – звони сразу, не тяни.

Посол вышел из приемного отделения вместе с охраной, а я развалился в кресле и закинул ногу на ногу под перешептывания медперсонала.

– Молодой человек, проснитесь!

Блин! Я что, заснуть успел, что ли? Вскинувшись, протер глаза. Медсестра, скорее всего, из практикантов, нервно теребила халат.

– С вашим другом все хорошо! Врач ушел отдыхать, пациент отходит от наркоза. Завтра можете прийти, провести. Две пули вынули – доктор сказал, оставить ему на память.

– Спасибо, девушка! – поблагодарил я, доставая мобильник. – Але! Все нормально с профессором. Достали две пули, завтра можно навестить. Я куда? Переночую, не парься. Фрукты не забудь, когда в больницу пойдешь. Все, до связи.

На улице темнело. Я прикурил сигарету и начертил угольком в воздухе ярко вспыхнувший в вечерних сумерках вопросительный знак. Куда идти? Деньгами турки меня не стесняли, поэтому я узнал через справочную номер вызова такси и набрал три короткие цифры. Через несколько гудков мне ответили.

– Алло! Вас приветствует компания пассажирских перевозок. Ваш звонок важен для нас. Для соединения со специалистом оставайтесь на линии.

Ёпрст! Компьютер. Я уже хотел вешать трубку, как на линии что-то щелкнуло.

– Здравствуйте! Меня зовут Ирина. Чем могу помочь?

– Я хочу заказать такси. Вторая городская больница, у входа.

– Какую машину вы бы хотели?

– Не имеет значения. Любая подойдет.

– Понятно. У нас вы можете заказать также внешний вид водителя, костюм, приятную музыку.

– Девушка, мне все равно, какая машина и водитель. Мне доехать надо.

– Но мы проводим рекламную акцию, и плюс ко всему вышеперечисленному вы получите...

– Ясно. Записывайте. Мне нужен белый «спорткар». Водитель – бородатый негр в смокинге. Музыка... «AC/DC» подойдет.

– Ясно, – ошарашенно протянули в трубке. – Спасибо за звонок. Ожидайте.

Ясное дело, ожидайте. Походу, придется частника ловить. С такими предложениями вряд ли они клиентов найдут.

Как назло, все машины проскакивали мимо. Плюнуть и пойти на троллейбус, но где я буду гостиницу искать? На такси намного проще. И каково было мое удивление, когда, уже собравшись уходить, я услышал настойчивый сигнал «клаксона».

Опупеть! У тротуара стоял белый «порше» с шашечками на двери. Из окна ритмично доносились аккорды «Thunderstruck». Из-за руля приветливо улыбался бородатый негр. В смокинге.

С квадратными от удивления глазами я сел на переднее сиденье.

– В ближайшую гостиницу. По дороге – в продуктовый магазин.

Взвизгнув покрывками, спорткар сорвался с места. Проскочив перекресток на мигающий зеленый, мы выскочили на проспект и погнали по крайней левой полосе.

– И много вас таких? – не удержался я от вопроса. Таксист меня правильно понял.

– Нет, не много. Пока экспериментальный проект. Мало заказов, стоит дорого. Поэтому и акцию объявили. Я сам в институте учусь, здесь подрабатываю. А вот и магазин.

Подъехав к гостинице, я забрал пакеты с едой и молча расплатился, расставшись с внушительной суммой денег и расписавшись в предложенной анкете. Для послевоенного города такой сервис дорогого стоит. Развивается страна, ничего не скажешь.

Получив ключи от номера, я поднялся на этаж и выложил на стол покупки – хлеб, колбасу, связку сушеной рыбы и две полторалитровых бутылки пива. Эх, хорошо! В предвкушении трапезы аж слюнки потекли. Но, не успел я нарезать хлеб, как в дверь постучали.

Первое, что было видно в «глазок», это майорские погоны.

– Комитет госбезопасности. По поводу кражи из квартиры посольства. Откройте.

– Документы можно посмотреть?

Не ожидавший такой наглости КГБ-шник дернулся, но «корки» развернул. Ну, а мне-то что? Все равно настоящие от поддельных не отличу. Придется впускать...

– Угощайтесь, – указал я на стол. – Как говорится, что Бог послал...

Не знаю, почему, но эти слова рассмешили собеседника почти до истерических слез.

– Знал бы ты, Роман Александрович... Ох, е-мое! Не могу! – Немного успокоившись, он взял из шкафчика стаканы и налил обоим пива.

– За успешное расследование дела!

Чокнувшись, мы выпили и начали молча терзать таранку. Интересный тип. Про расследование сказал, теперь молчит и хитро смотрит на меня.

– Короче, Роман. Ничего, что я на «ты»? Отпечатки никакой информации не дали, свидетели тоже. Пойманный тобой грабитель сбежал по дороге в СИЗО, конвоиры расстреляны. Никакой информации об этом в печати не будет, очевидцев происшедшего не было. А если и найдутся, утечек не будет. К чему я клоню? В опасную игру ты влез без спроса. Нужно было сразу к нам обратиться. Дело попало бы ко мне, профессор остался бы целый, без дырок. Просто отдал бы Ключ, всего и делов.

Безопасник замолчал и снова занялся рыбой, а я переваривал информацию. Непростой товарищ, ох, непростой! Так... Он сказал про ключ. И не про ключ, а про Ключ! Соображай быстрее! Значит, он знает про наши исследования, и, вполне возможно – про меня тоже. Но пришел сам, и один, а не омовцы, и много. Не желает афишировать? Имеет личный интерес? Занимательная такая головоломка...

– Так тебе тоже Ключ нужен? Ничего, что я на «ты»? И док – твоих рук дело?!

Майор покачал головой, вытирая руки полотенцем.

– Как ты, наверное, уже понял, я здесь неофициально. И – да, мне нужен Ключ. Но убивать я из-за него пока никого не собираюсь. Профессора подстрелили конкуренты.

Какие, нахрен, конкуренты? Да что вообще здесь происходит? Видимо, вопросы отразились на моем лице, потому что безопасник понимающе закивал.

– Введу тебя немного в курс дела. Это было бы смешно, но существование Ключа есть невероятная действительность. Ничего, что я так витиевато? Мне так проще думать. И – да, я знаю, кто ты и откуда. Зря, что ли, прослушку на профессора вашего ставили? Рассказываю, а ты внимай. Повезло тебе меня первым встретить. Еще неизвестно, как бы твоя жизнь повернулась. В общем, есть некая организация, ну... Клуб по интересам, что ли. С очень неплохим финансированием. Откуда знаю? Я сам в ней состою. Это вроде семейного дела. Только до недавнего времени это были интересные сказки, не более. Всего-то нужно было ждать,

не появится ли некий артефакт. Или артефакты. В общем, вещи предположительно божественного происхождения. Ожидание это оплачивалось более чем щедро. Только я представить себе не мог, что наткнусь на одну из таких вещей лично. Поэтому я так с тобой откровенен и настоятельно рекомендую отдать артефакт мне.

Я разлил по стаканам остатки пива и распечатал вторую бутылку.

– А профессор?

– Говорил уже, это не мы. Я доложил руководству о находке. Ответ был такой: забрать артефакт и передать его дальше по инстанции. Поэтому пока я прошу по-хорошему, но ты сам понимаешь, что Ключ для нас важнее, чем ты сам. Хотя факт его использования тоже вещь удивительная. Да я никогда бы и не поверил во все эти бредни, если не сидел бы сейчас рядом с тобой! Ты позволишь?

Майор достал пачку сигарет.

– Допустим, я скажу где Ключ. А ты можешь мне сказать, какого хрена я вообще здесь делаю, и как этот ваш артефакт работает? Я смирился с тем, что эта штука существует на самом деле. Есть, мать их, параллельные миры, прошлое с будущим. Но, раз уж я оказался здесь, почему не смог вернуться?

Какая занимательная картина – комитетчик пьет пиво с пришельцем из другого времени.

– Я рассказал тебе почти все, что знаю, и намного больше, чем тебе нужно. Говорю еще раз – отдай Ключ, и тебе ничего не будет. Мое руководство пойдет на все, и поверь, они вытянут из тебя информацию. Раскаленными щипцами. В буквальном смысле.

Какой веселый у меня собеседник.

– Ладно, убедил. Ключ сейчас в сейфе, в той квартире, которую пытались ограбить. Она опечатана вами, там наша охрана. Надежное место.

– Отлично. Имей в виду, слежка за тобой идет постоянно, и о каждом твоем шаге мне известно. Так что давай, без фокусов. Не прощаюсь.

Глядя вслед ушедшему майору, я прикидывал хрен к носу, и картина вырисовывалась невзрачная. За камнем гоняются с давних времен, с целью забрать его. Куда? Зачем? И неизвестно, кто стрелял в профессора. Бедняга оказался не в то время не в том месте. И майор божится, что это не они. Значит, есть еще кто-то, кому нужен Ключ. Значит, они тоже могут меня найти. Весело, прям сил нет смеяться...

Утром я поехал к профессору. Светило науки лежало в отдельной палате, щурясь от яркого солнца.

– Роман, друг мой, задерни, пожалуйста, шторы, – вместо приветствия попросил турок. – Слепит, зараза, а подойти не могу.

Я дернул шнурок, и палата погрузилась в полумрак.

– Как самочувствие, док? Медики не надоели?

– Чувствую себя продырявленным несколько раз, – скривившись, хохотнул профессор. – Только моим в Анатолии не говорите, а? Не хочу лишний раз волновать родных.

– С этим ты, наверное, опоздал. Мехмет на уши всех поднял, так что твои, скорее всего, уже пакуют чемоданы и смотрят в сторону аэропорта.

– Да, – почесал турок голову. – Получу я по самое оно. Моя супруга в ярости посильнее атомного ледокола будет.

– Не парься, док, у меня другие новости есть, покруче. Ко мне за Ключом приходили.

– Да ну?!

– Ну да. Короче, в двух словах. Кто-то со времен сермяжной древности пытается завладеть Ключом. Ну, как завладеть – существовал миф, не миф, так – указание к действию. Что где-то есть такой-то артефакт, и, если он «всплывет», то нужно им завладеть. В каких целях, не знаю. Эти «кто-то» есть две противоборствующие группировки. Одни в тебя стреляли, другие приходили ко мне.

– И как?

– На день я отмазался. Сказал, что камень хранится в сейфе в нашей квартире. Естественно, его там уже нет.

Профессор прервал меня, приложив палец к губам. Затем показал на уши и на стену. Блин! Неужели один я такой дурак? Нас прослушивают, к гадалке не ходи. Эх, выкручиваться надо. Хотя мы же по-турецки говорим. Не, туплю. Переводчиков, что ли, нет?

– А где настоящий? – спросил турок, многозначительно глядя на меня. Я потряс рюкзаком и пожал плечами. Мол, он со мной, но что говорить-то?

– Хорошо, что ты спрятал его в нашей лаборатории, – усмехнулся профессор. – Они же понимают, что ты не настолько дурак, чтобы носить Ключ с собой.

Вот пердун старый! И здесь подколол. А куда я его дену? Где ни спрячь, везде стремно. А ведь верно! В лаборатории есть макет Ключа, студенты сделали. И материал там вполне настоящий, если не присматриваться, то следов от «эпоксидки» почти не видно. Может, доку подарить хотели, не знаю. Ну что, вторая жизнь девайсу обеспечена. Я шепотом пересказал профессору содержание моего с майором разговора.

– Разрешите? – дверь открылась, и в палату зашел мужчина в наброшенном на плечи халате. – Овчинников, следователь прокуратуры. Нужно задать вам несколько вопросов относительно материалов дела.

Я со скупающим видом смотрел в окно, пока турок отвечал на, по моему мнению, ничего не значащие вопросы.

– А что можете рассказать вы? – спросил я следователя, когда тот собрался уходить.

– К сожалению, ничего определенного. Отпечатки пальцев в базе не значатся, по оружию тоже ноль. ПМ старый, еще гэдэровский, кустарно переделан под глушитель. По номеру пробили – утилизирован. Сейчас «копаем» там. Глушитель тоже самодельный, но сделан качественно, скорее всего, на заводском оборудовании. Но это все обезличенно, зацепок никаких.

– Что будем делать с камнем? – спросил я, когда следователь ушел.

– Я думаю, отдадим Ключ, и от нас отстанут. Потому что, если НЕ отдадим, тебе крышка, а я умою руки. Но ты мне дорог как объект исследования, поэтому ищи своего майора и газуй в лабораторию. И будем спокойно работать дальше.

Профессор был прав. Никто из них не отличит поддельный Ключ от настоящего – никто его до этого в глаза не видел. И работать он не будет, как не сработал у меня. Поэтому отдам девайс и буду надеяться, что все пройдет гладко. Правда, если подмену заметят, то мне кирдык. А, хрен с ним! Что совой об пень, что пнем об сову – сове, один черт, несладко.

Позвонил охранникам, которые остались возле квартиры. Вовремя – в квартире проводили следственный эксперимент. Никак, майор за артефактом пожаловал.

– Привет, ночной гость! – поздоровался я, когда ему по моей просьбе передали трубку. – Это Роман. Извини, что наколол с прибором, время подумать нужно было. Подъезжай во Вторую больницу, поедем за Ключом.

Через пятнадцать минут к крыльцу подъехала машина с мигалками.

– Садись, – буркнул майор.

Я прыгнул на заднее сиденье.

– Лаборатория наша знаешь, где? Давай туда.

– Ты понимаешь, куда влез?! – взорвался безопасник, когда мы отъехали. – Да я за эту подставу шлепнуть тебя должен! Или получу Ключ, а потом шлепну! Здесь такие силы задействованы, что самому не по себе. Даже я – просто винтик. Отдашь артефакт – и вали куда подальше, пока про тебя не вспомнили. Живи, работай потихоньку. Да спасибо говори, что живой остался.

– Да понимаю я все. Я вообще случайно здесь оказался. Обидно просто, что уникальнейший случай, подтверждение того, что да, действительно существуют параллельные миры, про-

шлое-будущее, и я действительно оттуда, и это факт – все это останется за грифом «секретно», и не принесет никакой практической пользы.

– Значит, так, – майор строго посмотрел мне в глаза. – Я последний человек, кому ты это говоришь, ясно? Ляпнешь что-нибудь – даже памяти о тебе не останется. Это последнее предупреждение. Для нас люди – не расходный материал, как для некоторых.

Для кого это «нас»? Понимая, что болтаю лишнее, я заткнулся и оставшийся путь ехал, молча пялясь на прохожих.

Как всегда у славян, лабораторию для исторических исследований профессору из далекой Анатолии выделили в Институте физико-органической химии. Это оказалось даже на руку – пользуясь авторитетом, док насовал туда аппаратуры, и, используя халявные приборы, просвечивал Ключ вдоль и поперек, буквально пробуя «на зуб» отдельные элементы. Никакого результата это не дало, кроме еще большей уверенности в невозможности создать такую штуку, используя самые передовые технологии.

Майор шел не наобум, уверенно распахивая двери. Только перед самой лабораторией он посторонился, чтобы я открыл ключом дверь. Играл на публику – я уверен, что и здесь моя помощь ему бы не понадобилась.

– Мы уже искали здесь прибор, – иронически сказал КГБ-шник. – Так что я буду сильно удивлен, если мои спецы что-нибудь проворонили.

Вместо ответа я подошел к аквариуму, запустил туда руку и выудил каменный булыжник. А куда его еще было приспособить? А так – закинули для красоты. И профессор не парится, и рыбкам приятно.

– Я не только удивлен, но и рассержен, – нахмурился майор. – Кое-кому из моих людей придется пройти переподготовку. А теперь дай сюда артефакт, и свободен.

– Шеф, к нам гости, – пшикнула рация. – Люди Нинурты.

– Черт! – выругался майор. – Прозевали! Задержите их, насколько можно. Стрелять в крайнем случае, но если начали – чтобы всех, ясно? Прикрытие к черному входу, мы выходим!

С бледным лицом он выхватил у меня прибор и бросился к выходу.

– Эй, а как же я? – мне совсем не хотелось участвовать в разборках, к которым не имею ни малейшего отношения. Майор отмахнулся и выбежал в коридор.

– Вон его машина! Хватайте! – послышались крики на улице, и раздались выстрелы.

Они вообще ополоумели – стрельба в центре города? Сюда вся «королевская конница» сейчас сбежится! Осознав, что самый лучший выход – это находиться как можно дальше отсюда, я поправил рюкзак и рванул вслед за майором. Не дай Бог кому-нибудь из этих вояк придет в голову проверить мои вещи и найти настоящий Ключ.

Скатившись по лестнице на первый этаж, я бросился в туалет, открыл окно и вывалился наружу. Хорошо, что по сторонам никто не смотрит – внимание всех сосредоточено на беглеце с «Ключом». Стрельба начала отдаляться – оставшиеся в живых уехали следом. Ох, и паника же будет в городе! Милиция всех перетрясет, от мала до велика. Вспомнив про охранников правопорядка, я припустил еще больше. Забрав во дворы, сбросил пиджак, оставшись в мятой рубашке. Все, маскировка закончена. Расслабившись, присел на лавочку и закурил, провожая взглядом несущиеся по проспекту машины с «мигалками». Ну что, будем считать, что я «спрыгнул». Чем бы ни закончилась погоня, про меня, надеюсь, никто не вспомнит.

В течении месяца я каждый день ходил к профессору, и научные дебаты мы вели там. Турок связывался со своими через Скайп, и собирал для меня информацию. Его сильно интересовал наш диалог с майором, и я чуть ли не дословно передал беседу несколько раз.

– Имя «Нинурта» связано с мифологией древних шумеров, – начал он очередную беседу. – По известным общественности мифам, шумерский бог-творец Ану породил двух сыновей, Энлиля и Энки, которые создали небо, землю и прочие атрибуты мира. Нинурта –

это воинственный сын Энлиля, «Первейший воин». Каким боком это относится к напавшим на вас людям, неизвестно. Может, сектанты, только вооруженные и организованные. Я думал на каких-нибудь масонов, но они, в основном, в Америке, а ваш славянский менталитет позволит существовать масонству как модному течению, но не как буквальное следование их идеалам. Теперь о тех Рунных камнях, из которых ты появился у нас. В самом деле, те иероглифы, назовем их так, не поддаются расшифровке. Но мало кто знает, что похожий символ был найден на обломке колонны Стоунхенджа. Этот факт посчитали фальсификацией, и в научных кругах он не упоминается. Мои студенты, талантливые ребята, проанализировали некоторые сходства данных конструкций. Описание Рунных камней нашли в архивах, ну, а про Стоунхендж знают даже в детских садах. Так вот, по данным этого анализа, я могу назвать еще несколько мест, подходящих под описание. Северная Америка, Южная. Даже у нас в Анатолии есть похожий объект. Галатская башня. Возведена в начале нашей эры на развалинах неизвестно чего. Датировка основания башни тоже скачет в огромных пределах. Возникает мысль: если Рунные камни – это, скажем, портал в твоё время, почему бы и этим сооружениям не быть порталами в другие, отличные от нашего, миры? Пусть даже не в пространстве, а во времени. И у нас есть ключ от этих «дверей». Собственно, Ключ это и есть. Ты представляешь, какие невообразимые возможности открываются перед нами?!

– Да, но... А, ладно. Как-то обыденно это все. Не цепляет. Устал я восхищаться собой и обстановкой.

– Ничего, это пройдет. У тебя депрессия от психической перегрузки, только и всего. Отдыхай пока. Через недельку меня выпишут, и займемся подготовкой.

– К чему?

– К экскурсии в Стоунхендж...

Не знаю, как, но известный в исторических кругах док выбил у английского правительства разрешение на проведение исследовательских работ в древней обсерватории. Студенты по указке профессора собрали необходимое оборудование, и мы начали грузиться в автобус. Небольшой «пазик» терпеливо дожидался окончания погрузки.

– Бог в помощь! – поздоровался Мехмет. Анатолийский посол довольно улыбался, глядя на наши действия.

– Здорово. – Я смахнул пот с лица. – Не скажешь, нахрена профессор столько хлама с собой таскает? Это для исторических-то исследований!

– Ему виднее, на то он и профессор. Давай отойдем немного, поговорим.

Мы сели на лавочку и закурили.

– Понимаешь, это оборудование не столько для исследований, сколько для подстраховки. А если догадки верны, и это портал? И он работает? Если получится, то вместе с тобой переместимся и мы, а оборудование необходимо для поддержания, скажем, жизнедеятельности нашего добровольческого отряда. Мы ведь делаем это на свой страх и риск. Если я отдам наше знание вместе с тобой правительству, то сам понимаешь, что будет. И не дай Бог, прознают америкосы. Господство, военные действия, и все такое. Честно говоря, даже удивительно, что никто еще нас не дергает. Может, твои друзья постарались, те, кто Ключ искал – не знаю. Но мне нужна правда, и, желательно, с большой буквы. Поэтому и я лечу с вами. Дипломатический иммунитет – хорошая штука, как ни крути, можно провезти много полезных вещей, кроме аппаратуры.

– Все готово, шеф! – Это начальник охраны. – Вещи загружены, можно ехать. Скоро будем в аэропорту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.